

A black and white photograph showing a person's profile on the right side, looking out a window. The window view shows a landscape with a fence in the foreground and a horizon line in the distance. The person's face is partially visible, showing their eye and nose. The overall scene is dimly lit, with the light coming from the window.

СПЕЛ

Г. Локаев

ДПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

г. Грозный 2006

УДК С2 (Чеч)
ББК 84 (2Рос.-Чеч.)6-4
Л-73

Книгу Габацу Локаева "Спецпереселенцы" по праву можно отнести к возвращенной литературе. Написанная в 1946 году, она долго и упорно пробивала себе дорогу к читателю. Жанровая неопределенность может смутить специалистов-литературоведов, но тех, кто вместе с автором прожил долгие 13 лет с горькой меткой "спецпереселенец", она не оставит равнодушными.

© Г. Локаев
© ИПК "Грозненский рабочий"

Многострадальному чеченскому народу и сыну Руслану, принимавшему активное участие в моем творчестве и пожизненно прикованному к постели (следствие геноцида).

КНИГА БОРЦА

Книга Габацу Локаева "Спецпереселенцы" написана просто. Даже очень просто. И талантливо. Не навязывая сюжетных хитросплетений, без книжных мудрствований, ничего не выдумывая, автор простосердечно изложил эпизоды из своей жизни, нарисовав тем самым картину жизни своего народа на одном из его самых трагических этапов. И нет необходимости называть ее ни романом, ни повестью, ибо своей жизненностью она исключает все жанровые вопросы. Она – книга жизни.

Какой бы рассказ мы не читали, будь то "Война", "Спецпереселенцы", "Соль чужбины", "Кунаки", будь то письма к правительству СССР о судьбе чеченского и ингушского народов или материалы из общественно-политической жизни народа и его новейшей истории, слово автора звучит жизнеутверждающе весомо и не нуждается в литературных предисловиях и послесловиях. Они представляют себя сами, вернее, представляют главного героя книги – автора, чеченца, прожившего трудную, но достойную жизнь, одинаково скромно и стойко прошедшего все тропинки национальной судьбы, без намека на ожидание скидок или снисхождений к себе от кого бы то ни было – от сильных мира сего, от современников или потомков.

Читая эти незамысловатые рассказы, мы наблюдаем становление характера самого автора и главного героя повествования.

Читатель соприкасается с неподдельной человечностью и добротой. А это очень важно и нужно, особенно сегодня.

Слава Аллаху, судьбу определяет только сам Творец, а не сильные мира сего. Любовь и страдание, великодушие и стойкость, благородство и чистота восприятия жизни и помыслов сопровождают героев книги даже в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях. Именно эти качества (особенно любовь к своему Отечеству), в которые они верили беспредельно от мала до велика, явились источником их выживания в годы депортации. Да благословит Аллах наши деяния!

От автора

Книга-воспоминание "Спецпереселенцы" была написана мною на доступном всем русском языке в 1946 году. В те годы она, конечно, не могла быть опубликована. Правда и человеческая жизнь тогда ни во что не ставились, тем более жизнь депортированных, когда даже за оставление места прописки полагалось 20 лет каторжных работ. Но память жила, память народная о воле, о долгом и длительном пути в чужедальние края, о Хайбахе, сожженном и убитом вместе с детьми, женщинами, престарелыми и немощными жителями. А сколько нас осталось на железнодорожных насыпях, в голодных, холодных и бескрайних степях Казахстана и Средней Азии?! Не перечать. Тысячи верст проселочных, лесных троп, болотных топей и рудников связывают их, жертв геноцида. Из менее полумиллиона чеченцев выжили не более половины.

Работая над книгой, свою задачу я видел в том, чтобы сберечь, удержать человеческую память, рассказать о том, что даже вспоминать страшно, а забывать – нельзя. Но это было, было, было...

Свои воспоминания я впервые опубликовал 17 лет назад в гудермесской районной газете "Красное знамя". Газетный вариант к изданию подготовил тогдашний сотрудник этого газеты Х. Акбиев. Затем, с небольшими изменениями, эти публикации вошли в отдельную книгу "Спецпереселенцы", которая достаточно быстро разошлась. Я был в восторге – это такое счастье быть понятым и услышанным читателем! Поэтому очень надеюсь, что и после этого издания, читатель отнесется ко мне благосклонно. Именно тебе, читатель, я и адресую "услышанное и увиденное" мною на переселенческих дорогах.

Выражаю сердечную благодарность министру обра-

зования ЧР Леме Дадаеву, президенту союза предпринимателей ЧР Адрахману Эсендинову, заместителю редактора газеты "Гумс" Хавасу Акбиеву и генеральному директору ГУП "ИПК "Грозненский рабочий" Ахмеду Баканаеву за помощь в издании этой книги.

Г. Локаев

Это было со мной и с моим народом.

ВОЙНА

Утро 22 июня 1941 года было ясным, безоблачным. Ранние летние лучи солнца озарили приземистые дома чеченского поселения Энгель-юрт, на околице которого стояли два зерноуборочных комбайна "Коммунар", "Сталинец" и три трактора: два "СТЗ" и один "Универсал", рядом виднелся вагончик, в котором жили механизаторы. Вся эта современная, по тому времени, техника вместе с механизаторами прибыла из Гудермесского МТС на уборку урожая зерновых, выращенных колхозниками Энгель-юрта.

Вместе с механизаторами приехал и я, пятнадцатилетний паренек, учащийся Гудермесской железнодорожной средней школы № 16. Несмотря на то, что я не состоял в комсомоле, заведующий учебной частью школы, где я окончил 7 классов с хорошими оценками, Никита Иванович Рейдин на период летних каникул рекомендовал меня на работу контрольным весовщиком в Гудермесский МТС. Оттуда с бригадой механизаторов я и приехал в Энгель-юрт контрольным весовщиком на период уборки урожая. Работа, на мой взгляд, была вполне ответственная и почетная.

Теперь мне предстояло жить и питаться с механизаторами. А кто пользуется большим уважением и почетом, чем тракторист, тем более комбайнер? Питание у механизаторов отменное. Повар целый день что-то лепит, варит, жарит. Мясо и другие продукты колхозный кладовщик доставляет в достаточном количестве и вовремя.

Бригада, в которую меня определили, состояла сплошь из русских парней. Мне они тогда казались пожи-

лыми людьми. Старше всех и более авторитетным был комбайнер Петро. Так его прозвали товарищи. Он отличался от других острым юмором и добродушно-веселым характером. Как-то я назвал его "дядя Петя", на что он тут же то ли в шутку, то ли всерьез ответил: "Какой я тебе дядя? Называй меня как все просто "Петро". А твой дядя где-нибудь в лесу кинжал точит".

С тех пор я стал называть его "Петро".

Солнце, высоко поднявшись над горизонтом, осветило затененные части сельского ландшафта. Механизаторы, сытно позавтракав, каждый занимался своим делом, подготавливая зерноуборочный агрегат к косовице: кто проверял натяжку цепей молотилки комбайна, кто смазывал деревянные подшипники, кто регулировал дэки. Все ждали команду агронома, с какого поля и когда начинать уборку.

– Ребята, к нам кто-то едет, наверное, агроном! – крикнул Петро, стоявший на штурвальном мостике комбайна. Все повернулись в сторону, куда смотрел Петро, и увидели быстро приближающегося седока. Никто его не знал. Когда седок подъехал к механизаторам, он спешился с коня и спросил:

– Кто старший?

– Я! – сказал Петро.

– Товарищи, я из Гудермесского военкомата. Сегодня на рассвете фашистская Германия напала на Советский Союз. Началась война. Я привез вам повестки. Вы должны срочно явиться в военкомат. Началась мобилизация на фронт.

Петро был в числе мобилизованных.

– Ну что ж, я убью 15 немцев, а ты сколько на себя берешь? – обратился он к Коломийцу, растерянно мявшему в руках повестку, только что полученную от уполномо-

ченного Гудермесским военкоматом за подписью военкома Жукова.

Так и выехали они прямо с поля, сев на колхозные подводы, оставив комбайны и трактора на окраине Энгель-юрта, обещая убить кто 10, кто 15, а кто 20 немцев. И никто из них не вернулся ни во время войны, ни после войны.

Война войной, а выращенный хлеб надо было убирать. На второй же день тракторы и комбайны были укомплектованы новыми механизаторами, присланными из Гудермесского МТС. Хлеб от комбайнов подвозили на подводах, специально приспособленных для перевозки зерна. Зерно на току взвешивалось и аккуратно записывалось в специальном дневнике. Вместе со мной записывал вес поступающего от комбайнов зерна и заведующий током Вигаев Баудди – житель Энгель-юрта. Баудди был гораздо старше меня. Когда комбайнеры заканчивали работу, мы с ним сверяли отвесы, подсчитывая, сколько за день поступило зерна, и уходили отдыхать, Баудди – домой, а я – в бригадный вагончик, к механизаторам.

Однажды Баудди пригласил меня к себе домой, сказав, что сегодня у них будут готовить чепалгаш¹. Надо отметить, Баудди был обаятельным и умным человеком. С ним всегда было интересно общаться. Рядом с ним любой чувствовал себя более веселым, более умным, чем на самом деле. Нас, действительно, ждали вкусные, тающие во рту чепалгаш.

Во время ужина к Баудди заглянул колхозный бухгалтер Скляр. Скляр отличался от подтянутого худощавого Баудди солидным телосложением, а округлый живот сильно выдавался вперед. Они открыли бутылку вина и долго

¹ Чепалгаш – лепешки.

сидели, беседуя, даже после того, как я лег спать.

Как-то я приехал домой, в Гудермес. У отца стоял бочонок вина, присланный из станицы Гребенской родственниками моей матери. Я решил отвезти немного виноградного вина для Сkläра и Баудди. Не найдя другой посуды, налил вино в чугунный кумган, привез в Энгель-юрт и отдал Баудди. Тот угостил этим вином Сkläра, страшно-го любителя выпить. Сkläра на второй день отвезли в Гудермес, в районную больницу с тяжелым отравлением. Видно, и без того кислое сухое вино в чугунной посуде быстро получило окисление, что явилось причиной отравления энгельюртовского колхозного бухгалтера. К тому времени почти весь хлеб, выращенный энгельюртовскими колхозниками, был вывезен в Гудермесское заготзерно в счет выполнения госпоставки. Даже на оплату трудодней колхозникам ничего не осталось.

Завершив уборку урожая зерна, осенью 1941 года я пошел в школу № 16, которая была открыта всего год назад. Однако учиться в 8 классе мне не пришлось. Здание школы заняла авиационная воинская часть, базировавшаяся на Гудермесском аэродроме.

Учащиеся школы разошлись кто куда. Я поступил на краткосрочные курсы по подготовке трактористов, открытых при Гудермесском МТС. Здесь со мною учились из Гудермеса Гани Абубакаров, Хамид Шаптукаев, Решед Эльхаджиев, Гани Амиев, Ахмед Яриханов, Лечи Соипов и многие другие. Преподавал тракторное дело бригадир тракторной бригады Гудермесской машинно-тракторной станции Али Катаев.

Весной 1942 года некоторые из них, закончив курсы, сели за тракторы, заменив ушедших на фронт товарищей. "После ожесточенных боев советские войска оставили город..." Такими, в основном, были передачи по ра-

гоо диктора Всесоюзного радио Левитана.

В начале марта 1942 года меня из МТС направили в тракторную бригаду Киселева в Хянгаш-юрт. Киселев повел меня к старому колесному ХТЗ (Харьковский тракторный завод): "Вот на этом тракторе будешь пахать". К трактору был прицеплен трехлемеховый плуг. Я попытался завести трактор, но ничего не получилось. Через некоторое время вместе с более опытным трактористом мы почистили контакты магнето, залили бензин в цилиндры и завели мотор.

Я впервые сел за руль трактора ХТЗ. Включил скоростной рычаг и отпустил сцепление. Трактор резко тронулся с места, и я поехал. Надо признаться: было страшно. Кажется, я все перепутал и не смогу больше ни остановить, ни заглушить непонятно грохочущую машину. Однако, сделав несколько кругов, я дернул рычаг сцепления, выключил скорость, трактор остановился. Весь потный от напряжения, я соскочил с трактора и, исполненный радостью и гордостью, с деловым видом механизатора, с тряпкой в руках, обошел вокруг работающего трактора.

Вскоре я освоился с ХТЗ и со своей работой. Каждый день пахали от зари до зари. Самым неприятным было то, что почти каждый день приходилось снимать картер, который прикреплен к боку двигателя многочисленными болтиками, и производить подтяжку шатунных подшипников, и тогда получалось, что первая капля отработанного масла, стекающая с шатунов, попадала прямо в глаз, вызывая сильное жжение. Кроме того, доставшийся мне трактор отличался и другим норовом. Достаточно было поработать несколько дней, и рассыпался "подшипник первичного вала 3100".

На всю жизнь запомнил я этот злополучный подшипник. Сколько я их поменял! Приходилось прямо в бо-

розде самому снимать почти двухсоткилограммовую коробку передач, менять подшипник и снова ставить на место. Позже механик МТС Калиниченко объяснял, почему так часто рассыпается подшипник, но от этого легче не стало.

Закончив последнюю вспашку зяби, трактора своим ходом прибыли в Гудермесский МТС, где им предстоял ремонт. В январе 1942 года мне, работающему на ремонте тракторов, выписали командировочное удостоверение в город Грозный для получения в ГУТАПЕ реставрированного коленчатого вала от трактора.

Пригородный рабочий поезд отходил со станции Гудермес около шести часов утра. Чтобы успеть на него, надо было подняться к пяти часам утра и прошагать от дома до вокзала более трех километров. Я, конечно, опоздал.

Сев на тормозную площадку цистернового состава, я поехал в Грозный. Я не знал, что в связи с военным положением вышел правительственный Указ о привлечении всех к уголовной ответственности за проезд на товарных поездах с осуждением на один год тюремного заключения.

Было еще раннее утро, когда цистерна, на тормозной площадке которой я стоял, весь продрогший, миновала вокзал. Поезд замедлял ход, когда стоявший на перроне молодой человек, одетый в белый полушубок, начал махать мне рукой, чтобы я прыгнул с поезда. Увидев, что я не реагирую на его сигналы, он по перрону побежал вслед за цистерной, на тормозной площадке которой я стоял. Поезд остановился, и не успел я сойти на землю, как он очутился рядом со мной.

– Идем со мной, – дернул он меня за ворот пальто. Я чуть было не растянулся на утопанном снегу, но тут же

справился и со всей силой ударил его кулаком. Он упал, но не стал подниматься, у него в руках оказался наган, от которого к его поясу тянулись плетеные ремешки. Испугавшись, что он может выстрелить в меня, я накинулся на него, схватив за ремешки. Пока мы с ним катались по снегу, над нами просвистел резкий милицейский свисток. Два милиционера завернули за спину мои руки и повели в дежурную часть железнодорожной линейной милиции. Только я заметил на шапке боровшегося со мной маленькую пятиконечную красную звездочку, и только тогда понял, что ударил милиционера. В то время еще не были введены погоны.

Меня посадили в камеру предварительного заключения, где от холода у меня целые сутки зуб на зуб не попадал. На второй день, оформив на меня уголовное дело по Указу о правилах проезда на товарных поездах, взяв подписку о невыезде и оставив в деле все мои личные документы, меня отпустили домой. Ни дома, ни на работе я не сказал о случившемся. Исправно ходил на работу в МТС и уже ранней весной получил повестку из нарсуда города Грозного для явки на суд по обвинению в нарушении Указа о правилах проезда на товарном поезде. Я не поехал. Вторую повестку получил – снова оставил без внимания.

Вскоре мы должны были уехать в колхозы для весенней вспашки. В это время в МТС явился участковый милиционер и забрал меня в милицию, где следователь читал мне приговор нарсуда города Грозного о том, что я на заочном заседании суда осужден к одному году в исправительно-трудовом лагере за проезд на товарном поезде. Через некоторое время я был доставлен в грозненскую тюрьму.

Весной 1942 года в грозненской тюрьме находилось

очень много заключенных, в основном чеченцы и ингуши, хотя было немало людей и других национальностей. Были и такие, которых первоначально приговорили к смертной казни. Отсидев определенное время в смертных камерах, они писали прошение о помиловании на имя Калинина – Всесоюзного старосты (как его величали в то время), после чего почти всегда смертная казнь заменялась десятью годами заключения, и смертники попадали в общие камеры для осужденных.

Бывали случаи отказа заключенных писать прошение о помиловании в Президиум Верховного Совета, тогда за него его писал начальник тюрьмы. В этом случае также смертная казнь заменялась десятью годами заключения с последующей отправкой на фронт в штрафной батальон.

Камера тюрьмы, куда я попал после карантинной камеры, была большая, однако осужденных было очень много. Спали на полу, плотно прижавшись друг к другу. Иногда не хватало места, и я сидел, пока улягутся вокруг меня, ложился наверх поперек спящих сокамерников и засыпал. К утру с трудом вытаскивал свое тело из-под тех, которые лежали наверху. Каждый, кто просыпался, карабкался наверх в этом месиве человеческих тел.

Около обитой железом двери с кормушкой и наблюдательным глазком у параша лежала куча обуви, большинство из которой – тяжелые английские солдатские ботинки, обитые железными подковами.

Очень часто в камере возникали драки между заключенными, и тогда вся эта масса обуви летала по камере, оставляя кровавые следы на лицах и телах заключенных. Конвоиры на сторожевых вышках начинали стрельбу по окнам. Драка постепенно прекращалась, после чего тяжело раненных уносили в санчасть тюрьмы.

Однажды в нашу камеру привели худошавого чеченца средних лет с огнестрельным сквозным ранением левой ладони. Он рассказал о том, что был приговорен к расстрелу, отсидел в ЧК, расстрел заменен десятью годами заключения. История его такова. Однажды ночью Мехкетин возвращался верхом на лошади домой в Мехкетин из бли лежащего аула. Сидевшие в засаде сотрудники ГПУ обстреляли его, а затем, арестовав, долго пытались заставить его признаться в том, что он ездил на встречу с немецкими десантниками-парашютистами, сброшенными немецкими самолетами в окрестностях Мехкетина. Так он попал в нашу камеру после застенков ЧК в этой страшной мясорубки, которая по сей день нагоняет ужас на людей моего поколения.

Шел слух о том, что в застенках ЧК, расположенной на берегу Суижи в городе Грозном, под шум работающих дизельных моторов, перемальвали людей и месиво это опускали в Суижу. Все происходило глубокой ночью.

Так уничтожались лучшие сыны чеченского и ингушского народов с самого наступления Советской власти. Одного только знания арабского языка и алфавита считалось достаточной "компррой", чтобы уничтожить человека. Нередко достаточным поводом арестовать чеченца или ингуша считался его личный авторитет среди чеченцев или ингушей.

Почти все большевистские чиновники из Москвы и других городов России проводили политику полного закабаления и уничтожения этого мужественного трудолюбивого народа, подвергая арестам и уничтожению самых талантливых, самых авторитетных представителей многострадального чеченского и ингушского народов.

Заключенные чеченцы и ингуши окружили заботой раненого мехкетинца. Осужденные требовали у тюрем-

ной охраны врача, чтобы перевязать парнишке рану. Врач не приходил. Рана начала воспаляться, издавая неприятный, гнойный запах. Пожилые чеченцы во время прогулки нашли железный прут, заточили, дезинфицировали огнем и, крепко удерживая обнаженное раненое плечо мехкетинца, проткнули прутом сквозное отверстие раны, которая начала сильно гноиться. Это был своеобразный метод лечения запущенных ран. Прут резко вытащили и – в парашу, над которой проводилась вся эта необыкновенная операция, вылился гной, смешанный с кровью. С двух сторон на отверстия раны наложили приготовленные для этого куски сушеного курдюка и крепко перевязали. Без единого звука, сжав зубы, выдерживал все это мехкетинец. Меня повязки, накладывая новые куски сушеного курдюка, заклеенные без помощи врачей полностью заживили рану Мохьмада.

В нашей камере грозненской тюрьмы, где находились более сорока человек, был заключенный – грознец Арби. Он был единственный среди нас, кто имел профессию шофера-водителя. Арби до ареста работал на грузовом автомобиле-полуторке в конторе "Грознефтедобыча". В обвинительном заключении Арби значилась статья "За пособничества в мошенничестве". А дело, по которому проходил Арби, было довольно курьезным.

Как-то раз на работу Арби пришел, как всегда, довольно рано. Протер тряпкой стекла кабины, проверил тормоза, уровень масла в картере и стал дожидаться экспедитора, с которым должен был поехать на буровые вышки, завезти горючее для двигателей буровых вышек и необходимые запчасти. Экспедитор Шитла не заставил себя долго ждать. В потертой черной кожаной куртке, с накинутой полевой сумкой, он подошел к Арби, поздоровался и плюхнулся на сиденье в кабине. По красным глазам и

поэтому лицу Шиты можно было безошибочно определить, что он провел ночь без сна, а по винному запаху, и вино стоявшему вокруг него, было ясно, что он всю ночь шивел.

Арби завел рукояткой машину, сел рядом с Шитой, спросил "Куда поедем"? – "Давай на вторую буровую, в Старые промысла", – сказал Шитя, запрокинул голову назад и закрыл глаза. Арби выехал на дорогу и взял курс на Старые промысла. В кузове автомашины стояли две железные бочки с горючим для буровых, загруженные с вечера. Доехав до буровой и не выходя из кабины машины, дал бумагу мастеру буровой для подписи. Сбросили одну бочку с горючим.

– Куда повезем вторую бочку? – спросил у Шиты Арби. "Сбрасывай и вторую бочку", – дал команду Шитя. Разгрузили и вторую бочку. "А теперь давай в сторону Нагтеречного района, в Али-юрт поедем".

Арби не стал спрашивать, зачем? Он привык подчиняться. В Али-юрте были к обеду. Шитя всю дорогу то зевал, то просыпался на ухабистом месте, протирал глаза руками сжимая голову, которая, видно, невыносимо мучила от не прошедшего похмелья.

"А ты знаешь, Арби, как мы с тобой гульнем у моего друга, живущего в Али-юрте! Не мужчина он, если к нашему приезду не зарежет барана!"

Когда автомашина, поднимая клубы пыли, въехала в село, ребятишки всех возрастов, глотая пыль, бежали за машиной, которая была редкой диковинкой в наших отдаленных от города селах. В центре села находился сельский магазин. Шитя попросил остановить машину. Он открыл дверцу, вышел из кабины, поправил сумку на плече, зашел в магазин, поздоровался с продавцом, который заискивающе улыбался, узнав, что Шитя приехал из Грозного. Запо-

дозрив в Шитле начальство, продавец пригласил его в подсобное помещение магазина, выпроводив из магазина покупателей-односельчан. Усадив Шитфу за стол, поставили перед ним четверть вина, бутылку водки и разные закуски. – Вы – гость, устали в дороге, пейте, кушайте.

Шитфу не надо было долго уговаривать. Единственное, о чем он попросил гостеприимного хозяина-продавца – выпить вместе с ним, – что хозяин с удовольствием выполнил. После первого стакана водки у Шитфы головная боль прекратилась, настроение улучшилось, захотелось совершить что-то великое, невероятное. "А позовите сюда моего шофера", – сказал он хозяину. Тот моментально выскочил и вернулся вместе с Арби. "Садись, пей, кушай", – обратился Шитфа к Арби тоном, не допускающим возражения. "Пей, кушай", – в унисон Шитле твердил, улыбаясь, продавец. Арби долго не заставил себя уговаривать. Он устал и был голоден. "Ну, и как вы тут живете?" – задал Шитфа продавцу ничего не значащий вопрос. Другой раз продавец не придал бы никакого значения этому вопросу, если бы его задал какой-нибудь знакомый.

Продавец был умный малый и потому был убежден, что этот, приехавший на автомобиле из Грозного в кожаной тужурке и с портупеей на боку, наверняка приехал в Али-юрт с каким-нибудь особым заданием. Было бы неразумно не воспользоваться случайным знакомством с большим начальником из Грозного.

Продавец был не в ладах с председателем колхоза, да и весь род продавца считал несправедливостью тот факт, что председателем колхоза является человек из малочисленного тайпа.

Продавец налил еще по стакану и начал изливать свою обиду на председателя колхоза. "Председатель нашего колхоза – бездельник, и глупый притом. Пока его не за-

...нет, мы и план госпоставки не выполним и на трудовой ничего не получим", – продолжал продавец. ШитІа, наконец, осенило. Он понял, за кого его принимают. "Да... – глубокомысленно произнес ШитІа, – мы знаем об этом. Из-за этого и приехал. Необходимо срочно собрать правление колхоза, – продолжал сам с собой ШитІа. – У меня мало времени, за час можешь собрать правление колхоза?" – обратился, наконец, ШитІа к продавцу. Тот вскочил: "Даже за полчаса успею всех собрать!"

"Хорошо, – сказал ШитІа, – кого выберем вместо старого председателя колхоза? Хочешь, мы тебя изберем? Справишься?". "Конечно, справлюсь! – с излишней уверенностью заявил продавец, – я же в ФЗУ учился". Аргумент был убедительным. ШитІа не сомневался, что продавец справится на посту председателя колхоза, тем более что в ФЗУ учился.

Спешно собрали правление колхоза, где первым выступил председатель из Грозного ШитІа, который чуть было не объявил председателя колхоза врагом народа, но оказалось, что председатель работал плохо не умышленно, а по неумению, так как он даже ФЗУ не окончил.

Единодушно избрали нового председателя колхоза. Им стал продавец сельмага. ШитІа получил от продавца, точнее, от нового председателя колхоза довольно приличную сумму денег, забрал копию решения правления колхоза, сел в кабину полуторки рядом с Арби и укатил в столицу Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики – в город Грозный.

Новый председатель руководил колхозом. Бригады выгоняли колхозников на работу, учетчики записывали колхозникам трудодни.

Вскоре после этого в Грозном проводили республиканское совещание председателей колхозов. Явился и но-

вый председатель Али-юрта. Только сейчас обнаружилось, что старого председателя колхоза из Али-юрта заменили новым, без ведома вышестоящих органов. Выяснилось мошенничество ШитЫ. ШитУ арестовали и осудили, а заодно и Арби как поделщика.

Председатель колхоза, снятый с работы ШитОй, остался снятым: его обвинили в потере бдительности в военное время. Нового председателя, вновь собрав правление колхоза, переизбрали, и он оставался председателем колхоза в Али-юрте вплоть до выселения чеченцев и ингушей.

Вот таким образом Арби, специалист редкой в то время профессии шофера, очутился в нашей тюремной камере.

Среди осужденных был и бывший директор хлебозавода по одному и тому же делу вместе со своим бухгалтером. За счет умышленного недовеса хлебных буханок на заводе образовались излишки муки. Внезапно нагрянула комиссия для ревизии и запломбировала мучной склад, чтобы на следующий день проверить наличие муки. Во дворе для какой-то хозяйственной цели была выкопана свежая яма. Для сокрытия излишков муки директор дал указание мастеру: ночью все тесто, замешанное для выпечки хлеба, вывалить в эту яму и засыпать землей, что и было сделано. На второй день комиссия пересчитала стандартные мешки с мукой, сделала сверку по приходно-расходным документам, составила акт, где было очень мизерное расхождение, и удалилась.

Казалось, все закончилось удачно, однако на третий день утром рабочие хлебозавода окружили место, где было закопано тесто и оживленно комментировали случившееся. Дело в том, что забродившее тесто, вытолкнув землю, поднялось наверх.

Результатом было привлечение к уголовной ответственности директора хлебозавода, бухгалтера и еще кое-кого. Директор хлебозавода и бухгалтер с довольно солидными сроками оказались в нашей камере.

Они подозвали к себе Арби и долго с ним беседовали. Бывший директор хлебозавода пригласил к себе Арби шофером, как только они выйдут из тюрьмы, и назначил солидный оклад.

Шел 1942 год. Немецкая армия подходила к окраинам Чачено-Ингушетии, и потому бывший директор хлебозавода не сомневался, что очень скоро немцы освободят заключенных. Тогда он присвоит хлебозавод, на котором работал, и там ему крайне необходим шофер. Вот он и предлагает на работу Арби личным шофером.

В камере оказались и другие дельцы, мечтающие о том, как бы с приходом немцев присвоить грозненские нефтяные промыслы. Они попытались переманить к себе Арби, увеличив оклад намного больше, чем предлагал ему директор хлебозавода, но Арби, как честный человек, остался верным первоначальному договору.

Как-то раз, в первой половине дня, открылась "корбушка" и дежурный с бумажкой в руках, выкрикнув мою фамилию и имя, приказал мне срочно приготовиться с вещами на выход. Так из тюремной камеры я попал в общестроительную колонию, расположенную рядом с тюрьмой.

В ОТК, в бараках стояли двухъярусные железные кровати, на одной из которых разместился я. Рано утром, после проверки, меня определили в бригаду, которая работала на крекинг-заводе, изготавливающем кокс.

Раскаленные куски кокса охлаждались водой из шланга, вручную лопатами грузились на вагонетки и, подталкиваемые руками, вагонетки вывозились из заводского цеха на место складирования.

Работа была трудоемкая, грязная, а значит, и вредная для здоровья. В колонию возвращались после работы уставшие, закопченные. Хотя для меня все это было ново и интересно.

Только прислушиваясь к старшим, понимал, до чего это изнуряющая тяжелая работа, которая для многих оборачивалась тяжелыми недугами. Их куда-то отправляли. Больше после этого они к нам в барак не возвращались.

Однажды наша бригада ждала у ворот крекинг-завода, пока оформят общий пропуск для входа бригады на завод. Недалеко от нашей бригады расположилась еще одна бригада заключенных. На проходную завода вышел, покачиваясь, в синем плаще пьяный мужчина. Из кармана плаща торчала большая литровая бутылка. Он приблизился к нашей бригаде, пьяными глазами тупо уставился на нас, сидящих на земле, и, еле ворочая языком, спросил: "А чего это вы тут делаете?" – "Прокурор посадил", – выкрикнул один из заключенных. – "Проходи, проходи, а то тоже сядешь", – крикнул наш конвоир. Пьяный, пытаясь пойти, заносил одну ногу вперед, но тело отклонялось в обратную сторону, и пьяный мужчина возвращался на исходную позицию.

"Иди, забери у него из кармана бутылку", – сказал мне конвоир. Я подошел к пьяному мужчине и, с силой вытащив бутылку, вернулся к бригаде. Сообразив, что его обокрали, пьяный пошел за мной. "Стой! Стрелять буду!" – Вскинул пятизарядную винтовку конвоир. Пьяный сначала остановился, как вскопанный, а потом безнадежно махнул рукой, повернувшись назад, ушел, беззвучно ругаясь. В это время подошел второй конвоир, уходивший оформлять пропуск, и бригада с неполной литровой бутылкой пошла на территорию крекинг-завода.

Во время обеда в заводской столовой, где нас, зак-

...кормили отдельно от вольных рабочих завода, в одной половине спирта конвоирам, которые тут же выпили его, предварительно разбавив водой. Остальную часть перелил в поллитровую бутылку, сумел после работы незаметно пронести через проходную в ОТК и, никому не показывая, спрятал в бараке среди своих вещей.

Вечером, когда заключенные нашей бригады, отмыв руки и лица от копоти и гари, занимались каждый своим делом, из другого барака зашел к нам заключенный чеченец и начал составлять списки желающих работать охранниками в бердыкеловской колонии для заключенных.

Дело в том, что одного конвоира из нужных двух брали из состава заключенных, имеющих первую судимость и малый срок. Записалось много. Я в список не попал. Запись прекратилась. Кто-то сказал, что зам. начальника бердыкеловской колонии находится в дежурной комнате на проходной у ответственного. Сказали, что это он проехал за охранниками. Я благополучно прошел через внутреннюю проходную, где дежурил один из заключенных с огромной толстой палкой в руках, сказал, что вызывают в дежурную комнату.

В дежурной сидел начальник караула и, как я потом узнал, им. начальника бердыкеловской колонии. Было видно, что и наш начальник караула и замначальника бердыкеловской колонии изрядно выпили. "Что тебе надо?" – обратился ко мне начальник караула. – "У нас в бараке составляли списки желающих поехать охранниками в Бердыкеловскую колонию, запись закончилась, я бы тоже хотел записаться в охранники". – "За что сидел и какой срок?" – спросил у меня незнакомый военный. – "По указу на один год, за проезд на товарном поезде", – ответил я, вынимая из кармана и ставя на стол бутылку чистого спирта. – "Это что такое?!" – грозно прикрикнул на меня начальник карау-

ственным жителем села, который имел аж пару штанов, и которых он щеголял, одевая их попеременно. И когда хотели определить, о каком идет речь, уточняли: "Это Межед, у которого двое штанов".

Теперешним чеченцам, возможно, трудно понять и поверить, что такое убогое, бедное житье было присуще не только жителям Бухан-юрта, но и всем жителям Чечни и Ингушетии.

В бердыкеловской колонии я пробыл недолго. Не прошло и одной недели, как пришло определение Верховного суда ЧИАССР о том, что в деле, ранее вынесенном в отношении меня, судебный приговор отменен, и мое дело направлено на доследование. Меня вновь вернули в грозненскую тюрьму. Через несколько дней повезли на суд в один из районных судов Грозного, где находился и мой отец, приехавший из Гудермеса. Суд был скорый, и прямо из зала суда меня освободили из-под стражи.

Вместе с отцом я приехал в Гудермес. Дома все было без перемен, если не считать того, что конюшня была пуста. Отец продал коня, чтобы дать взятку за мое освобождение.

Наступление немецких войск было особенно интенсивным в 1942 году. На Северном Кавказе немецкие войска подошли к границам Чечено-Ингушетии. Они захватили станицу Ищерскую и оттуда обстреливали из дальнотбойных орудий чеченские аулы, расположенные на правом берегу Терека. Немецкие самолеты бомбили нефтяные промыслы Грозного. Клубы черного дыма горевшей нефти в Грозном заволакивали небо даже в Гудермесе. Черная сажа нефтяного дыма оседала повсюду. По грейдерной дороге, проходивший через Гудермес, там, где ныне проходит асфальтированная трасса Ростов-Баку, день и ночь шли вереницы повозок беженцев из Украины, Рос-

и других областей, Поволжья и других областей Советского Союза.

1943 год. Осень. Усадьба Гудермесского МТС заполнена тракторами и комбайнами. Идут разговоры о том, что понадобится эвакуация тракторов и комбайнов.

Директор МТС Старушкин непонятной национальностью дал команду отсоединять молотилки комбайнов от шасси и сбрасывать на землю. Трактористы и комбайнеры работают над разъединением комбайнов. Два трактора после разъединения молотилки от шасси цепляют один за молотилку, другой за шасси и тянут в разные стороны. Молотилка комбайна сбрасывается на землю, а на шасси остаются только рама и двигатель.

В обеденный перерыв начальник политчасти читал свои короткие лекции о международном положении. Трактористы и комбайнеры на каждом перекуре вели разговоры о готовящейся эвакуации МТС. Некоторые предлагали вывезти трактора в Тереке, предварительно замазав основные узлы солидолом для того, чтобы после ухода немцев достать их. Ни у кого не было сомнения, что победа рано или поздно будет за Советским Союзом.

Чудом уцелевшие после повальной репрессии муллы и джоджте, кто просто умел читать по-арабски, ученые-арабисты предсказывали, что немцы не захватят вайнахскую землю.

Очень хорошо помню беседу отца с ученым-арабистом Яхью – нашим соседом. Отец почитал Яхью за то, что он действительно был ученым и умным арабистом, который рассказывал отцу о том, что предсказывали шейхи. Будто вайнахов, подобно стаду, выгоняемому рано утром из аула на пастбище, выселят с родной земли и возвратятся они сюда, домой, через какое-то время так же, как вечером возвращается стадо в аул. Он же говорил о

том, что, по предсказанию шейхов, Германия не захватит землю вайнахов. Все это говорили задолго до победы над Германией и задолго до выселения чеченцев и ингушей 23 февраля 1944 года.

1942 год. Осень. В Гудермесском МТЗ идет напряженная подготовка к эвакуации. Нет-нет да залетают немецкие самолеты-разведчики. С прерывающимся гулом летают они высоко над Гудермесом. На работе в МТС не осталось ни одного чеченца, кроме меня. Бросив трактора и комбайны, все разошлись по домам. Многие семьи гудермесцев выехали в горные аулы. Наш домашний скот также был вывезен в Майртуп. Дома оставались мать и двое братишек. Отца к тому времени осудили на пять лет за спекуляцию: зарезал собственную корову, а мясо продавал на базаре. С ним же в бердыкеловской колонии находился его дядя Абдулхажи, осужденный на два года за попытку выручить отца, дав триста рублей начальнику милиции.

Однажды по дороге Бляйн-некъ² (воинская дорога) в сторону Хасав-юрта прошел этап заключенных чеченцев. На второй день после этого высоко в небе над Гудермесом закружились в небе два немецких самолета. Зенитные пушки, стоявшие за рекой Гумс, недалеко от дороги Ростов-Баку, начали интенсивную стрельбу по самолетам. Снаряды пушек разрывались в небе вокруг самолетов, однако в немецкие самолеты не попадали.

Директор МТС Старушкин выскочил из конторы во двор МТС и приказал срочно начать эвакуацию тракторов. Нам выдали эвакуационные удостоверения с конечным пунктом эвакуации Каякент Дагестанской АССР. Я сел за руль своего трактора ХТЗ, прицепил прицеп, на ко-

² Бляйн-некъ – воинская дорога.

двигатели погружены бочки с керосином, лигроином и смазочными материалами, и к вечеру мы выехали по Махачеву в сторону Хасав-юрта.

Основная колонна тракторов отправилась раньше. Мне нужно было их догнать. Вечерело. Проехав военный пункт у Мелчухи, свернул с дороги и остановился ночевать. Генератор трактора, вырабатывающий ток для освещения, был в неисправности, и поэтому ехать без света в глубокой темноте было невозможно.

Маленькая круглосуточно была заполнена двигающимися в сторону Махачкалы повозками, автомашинами и просто пешими, перегоняющими скот и отары овец. На транспорте ехали грязные от дорожной пыли беженцы из Украины, из Ростовской и других областей Союза, оккупированных немецкими войсками. На второй день я догнал колонну тракторов нашего МТС, стоящую в Нойбере. В одном из тракторов СТЗ-НАТИ был прицеплен брикетный вагончик. В вагончике находился директор МТС старушкин, кассир с сейфом и еще кто-то. Трактористы и шоферы собрались около вагончика и требовали у директора выдать им зарплату. Директор обещал выдать зарплату по прибытии к конечной цели.

Колонна тракторов двигалась медленно. Около Герзеле, у переправы на реке Аксай, задержались довольно долго из-за скопления повозок на переправе. Когда началась переправа наших тракторов, один СТЗ с прицепом, нагруженный кукурузой в початках, в середине реки попал в яму, забуксовал. Быстроводная река опрокинула прицеп с кукурузой. Видно, в горах шли дожди, и река начала быстро прибывать. Трактор с прицепом пришлось оставить посередине реки.

И в Герзеле, и дальше мы обгоняли колонны этапируемых заключенных чеченцев и ингушей. Я очень наде-

ялся найти отца и его дядю, но среди заключенных их не оказалось. Голодных, истощенных гнали пешком, окружив солдатами-автоматчиками и служебными собаками.

На всю жизнь запомнил я случай, происшедший с заключенным около Герзеля. Мужчины и женщины со слезами жалости на глазах смотрели на этаплируемых заключенных чеченцев и ингушей. Вдруг одна чеченка, жительница Герзеля, кинула лепешку в колонну заключенных через голову солдат-конвоиров. Лепешка упала, не долетев рядом с колонной заключенных. Один из них выскочил из колонны, чтобы подобрать лепешку. Без предупреждения грянула короткая очередь из автомата ППШ, и голодный чеченец замертво распластался на пыльной войсковой дороге, где для него закончился и срок заключения, и земной путь.

Со мной на тракторе ехал бывший медник и моторист в мастерской МТС Ильин. Ильин был добрым, никогда не унывающим пожилым человеком. По его просьбе мы с ним на тракторе заехали на хасавюртовский базар, закупили кое-какие продукты и снова выехали на трассу эвакуации. Колонна тракторов ушла вперед. Уже начало темнеть, когда стали подъезжать к реке Акташ. Через сено к броду реки был довольно крутой спуск. Света на тракторе не было, и мы с Ильиным поехали прямо вниз. Нам надо было, оказывается, свернуть в сторону, влево, и встать в очередь на переправу. Однако было темно, и мы, поехав прямо, врезались в одну из повозок, стоявших в очереди, и перевернули ее.

Находившиеся на повозке подняли ужасный крик. Мы с Ильиным отскочили от трактора, собралась толпа. К счастью, никто не пострадал. Начали выяснять, чей трактор. Разве в темноте узнаешь – чей? Номеров они не имели, а так все черные, все похожие друг на друга. Я задер

Ильин посоветовал Ильину. Он подсказал, что лучше вернуться в Гудермес. Ильин нашел тракториста Ваху из Азамат-юрта. Вахилов и сказал, что все чеченцы ушли из МТС и кроме него ни один чеченец не выехал в эвакуацию. Да это и было так. Ваха был русский, хотя лучше меня владел чеченским языком. Он с малых лет воспитывался в чеченской семье и его трудно было отличить от чеченцев и по характеру, и по поведению. И стали звать его чеченским именем Ваха. Это у него засосало трактор около Герзеля да еще Авадэй, и потому он был без трактора, но надеялся получить свою зарплату. Ваха согласился вернуться с нами в Гудермес, забыв на время о зарплате. Хотя зарплату, даже за проезд в Каякент, никто не получил. Об этом я узнал только, когда трактористы и комбайнеры вернулись в Гудермес, оставив свои тракторы в Каякенте.

Сказываются, директор МТС Старушкин, сговорившись с кассиршей, забрал из сейфа всю зарплату механиков и вместе с кассиршей выехал в Махачкалу, переименовав Каспий и затерялся где-то в Средней Азии.

Петроем – Ильин, Ваха и я – этой же ночью отправились пешком в Хасав-юрт. Не доходя до Хасав-юрта, пересобирались чуть в стороне от дороги и только рано утром прибыли в город. Ильин и Ваха остались в Хасав-юрте, а я, прощавшись на перекрестке в сторону Гудермеса, сел на проезжавшую военную машину, нагруженную доверху ящиками боеприпасами. Машина везла боеприпасы на фронт, который проходил на окраине Надтеречного района. Немцы стояли за Терекон, в Ищерской, и оттуда обстреливали из тяжелых орудий, расположенных на правом берегу Терка, у чеченских аулов.

Испуганный домой. Хотя и прошло всего трое суток с тех пор, как я выехал из Гудермеса, а сердце щемило от тоски и неизвестности. За эти трое суток я обогнал все

колонны этапируемых заключенных. Среди них отца и дяди не было. Доехав до Гудермеса, машина, в которой ехал, свернула на базар. Дядя Абдулхажи жил недалеко от базара. Я расплатился с водителем-солдатом и пошел к дяде узнать о нем и об отце. Когда я вошел во двор, мне навстречу вышел сам дядя Абдулхажи. Не успел я спросить про отца, как дядя Абдулхажи, как всегда, сурово крикнул на меня: "Где ты ходишь? Беги скорей домой, твой отец дома, заждался тебя, не зная, куда себя деть!"

В другое время, когда я заходил к нему, он всегда бывало, кликнет одну из своих жен и голосом, не допускающим возражения, требовал накормить меня. Сейчас нарушив это правило, он без задержки отправил меня домой к отцу. Радости отца не было предела. Он уже не надеялся меня увидеть. А ведь в такой кутерьме, в таком беспорядочном передвижении людей во время войны такое вполне могло случиться.

Позже я узнал, что сноха Абдулхажи Шапагат продала нашу лошадь, собрала свои деньги, поехала в бердыжловскую колонию и через охранников сумела передать деньги своему свекру Абдулхажи. Во время прохождения медицинской комиссии заключенных для отправки на этап дядя дал крупную сумму денег председателю врачебной комиссии, и его с племянником освободили по медицинскому заключению. Отец с дядей вышли из лагеря, купили лошадь и двуколку (дечиг-ворда) и на этой двуколке приехали домой, в Гудермес, а тут и я подошел.

На восстановленном тракторе, колесном СТЗ, брошенном то ли военными, то ли беженцами, я снова работал на полях Хаьнгаш-юрта, переименованного после выселения чеченцев и ингушей в Степное.

К осени 1943 года начали возвращаться недавно мобилизованные в армию чеченцы-новобранцы в связи

... что вышел приказ Сталина "чеченцев и ингушей в армию не брать". В то время никто толком не задумывался над тем, почему в самый разгар войны перестали брать на фронт чеченцев и ингушей.

Перелом в войне между фашистской Германией и Советским Союзом, безусловно, был ощутимым. Гитлеровский план молниеносного захвата СССР потерпел крах. Советские войска по всем фронтам начали наступление, однако еще далеко было до победы и потом непонятно было, почему вдруг Сталин проявил такую благожелательность именно к новобранцам — чеченцам и ингушам. Их это родители детей призывного возраста не думали. Развозились по возвращению каждого. Устраивали свадьбы вернувшимся новобранцам...

Только теперь, после многих лет, начинаешь понимать, что тогда еще в 1943 году готовилась чудовищная по своей жестокости акция по уничтожению чеченских и ингушских народов как этнической нации Северного Кавказа.

Осенью 1943 года новый директор МТС дал распоряжение, чтобы я свой трактор поставил на стационар во дворе Гудермесского "Заготзерно" для работы с молотилкой по очистке зерна. На боковой шкив трактора и на шкив молотилки надевался широкий ремень, и тракторный двигатель через ременную трансмиссию вращал молотилку. Рабочие засыпали в молотилку сорное зерно. Зерно проходило через молотилку, сортировалось, становилось чистым. Со огромной скоростью вращался шкив. Точно в центре шкива, на оси вала, была ввинчена тавотница для смазки. Через эту тавотницу шприцом смазывался подшипник вала шкива. В нарушение всех правил техники безопасности я иногда ухитрялся, наставив наконечник шприца на тавотницу, смазывать подшипник на полном ходу шкива.

Как-то во двор "Заготзерна" заехала открытая маши-

на "Виллис" американского производства. На машине сидели в комсоставских шинелях и высоких серых каракулевых папах военные. Когда они вышли из машины и подошли к молотилке, о чем-то разговаривая между собой, я удивился широким красным лампасам на брюках. Желая привлечь к себе их внимание, я взял в руки тяжелый, оббитый солидолом шприц, наставил на вращающуюся с огромной скоростью тавотницу и начал активно накачивать смазку. Вдруг при резком нажатии шприц соскочил с тавотницы, его закрутило шкивом. Я выдернул шприц, но по инерции со всего размаха ударил мне в бровь правого глаза и рассек ее. И глаз, и лицо моментально залило кровью. Меня, почти теряющего сознание, рабочие посадили в "Виллис", на котором приехало военное начальство и отвезли в железнодорожную больницу.

Уже потом я узнал, что один из приезжавших был генерал Ватутин, другой Берия Лаврентий Павлович. До сих пор одна из центральных улиц Гудермеса носит название Ватутина. Возможно, он все же имел непосредственное отношение к акции геноцида над чеченским и ингушским народами в 1944-1957 годах. Ведь не для того приезжал в Гудермес генерал Ватутин вместе с Берией в 1943 году, чтобы позже его именем назвали одну из улиц Гудермеса.

Рана моя быстро зажила, работа в "Заготзерно" завершилась: распогодилось. Руководство Гудермесского МТС предложило мне поехать учиться в Серноводск на комбайнера, и я с большим желанием поехал учиться.

После тяжелой работы на тракторе, учеба в Серноводской, или как ее называли Асланбековской школе механизации, была для меня увлекательной и интересной. В выходные дни я приезжал домой вместе с Даудом Абуспаевым из Бачи-юрта, с которым учился и дружил.

В этот раз я выехал с ним из Гудермеса в понедельник 21 февраля 1944 года. 22 февраля, после учебных занятий, мы с Даудом пошли на речку, где обычно юноши играли в карты с девушками, приходившими сюда за водой. Разговаривая и шуткам между девушками и юношами не было конца. Дауд был влюблен в милостивую девушку, приглашенную в гости к родственникам из Гехов. Она уже несколько раз приходила с кувшином за водой. Пока брала воду, влюбленные успевали переброситься несколькими фразами между собой. Когда Хадижат в очередной раз пришла за водой, я спросил: "Хадижат, зачем ты запасалась столько воды?"

— Говорят, завтра, в среду, грех носить воду и потому запасайся.

Мы повеселились у Хадижат, в каком доме сегодня будет вечеринка, после чего вернулись в учебный городок. В городке проживало много солдат. Вечером состоялся концерт, посвященный Дню Советской Армии, и после концерта мы с Даудом пошли на вечеринку – белхи, где девушки, в том числе и Хадижат, чесали вручную овечью шерсть при свете керосиновой лампы. Дауд играл на дуду, благодаря чеченские мелодии. Иногда просили сыграть танцевальную, и юноши плясали с девушками азартно и весело. Было за полночь, когда расходились.

И общежитии все уже спали, и мы с Даудом тихонько разделись и легли.

По распорядку дня подъем в учебном городке был в 6 часов утра. Ударом железного прута по куску рельса, висевшему на проволоке, будили учащихся городка. Меня разбудили проснувшиеся товарищи. Они спрашивали друг друга, почему уже 6 часов, а подъем не бьют. Некоторые начали одеваться. Был 7-й час.

И вдруг открылась дверь, и вошли с автоматами двое

военных. Первым делом один из них потребовал от нас имеющееся огнестрельное и холодное оружие.

Нас в комнате жило 8 человек, из которых трое были русские. Мы вытаскивали из карманов и из тумбочек ручейные и хозяйственные ножи, складывали их на стол. Военный вернул ножи русским, а всем чеченцам отдал приказ собраться с вещами.

Мы быстро собрали чемоданы, сложили туда тетради и учебники, после чего всех учащихся чеченцев и ингушей под конвоем вывели во двор. Произвели обыск. Оглушенных, ошарашенных учащихся посадили на грузовые автомашины и повезли из учебного городка на станцию.

День 23-го февраля, в отличие от предыдущих дней, выдался особенно мрачным и ненастным. Падал мелкий снег. Сырой, холодный ветер пронизывал до костей.

Нас повезли через село в Серноводск. С крыши домов, выбив черепицу, выглядывали направленные на нас стволы станковых пулеметов "Максим". Крики и плач растерянных женщин и детей, жалобное мычание скота и вой собак, смешивались вместе и создавали своеобразный трагический гул. Думаю, что ни один композитор не сможет воссоздать эти звуки, полные трагизма и боли целого народа!

За околицей догнали колонну чеченцев-мужчин, которую под конвоем солдат-автоматчиков сопровождали до станции. Их всех утром собрали якобы на ремонт дороги, окружили автоматчиками и погнали на станцию, где стоял состав из старых товарных вагонов.

Погрузив всех в вагоны и закрыв двери на замки, начали подвозить женщин и детей.

Внутри вагонов были наспех сделаны двухъярусные деревянные нары. В середине установлена круглая железная

двери. Верхние люки закрыты.

В первом эшелоне со спецпереселенцами направился в сторону Гудермеса. Эшелон шел без остановок, и, когда остановились в Гудермесе, он через "треугольник" повернул на железнодорожную линию.

При подъезде к Гудермесу я выбил верхний люк в вагоне, в котором нашел в ауле наш дом. Аул был пуст. Ни окон, ни дверей ставни и двери нашего дома были закрыты.

Я понял, что моих родителей вместе с аулом уже нет в живых. Понял, что это страшное горе, которое предсказывали старики, коснулось всего чечено-ингушского народа. На остановках солдаты открывали вагоны и выпускали людей по острой нужде.

Молодые девушки стеснялись выходить из вагонов и испытывали ужасные муки. Стыд перед старшими явился причиной смерти многих из них в пути переселения.

Эшелон уже несколько дней в пути. Люди, казалось, страдали от холода и голода. Особенно осунулся и загрустил мой друг Дауд. Где-то в этом эшелоне должна ехать моя любимая Хадижат. Мы решили с ним разыскать ее. В короткие остановки успевали расспросить о ней в вагонах или двух вагонах.

— Эй, Хадижат, есть в этом вагоне?

— Хадижат, — высовывалась какая-нибудь женщина.

— Нет, не вас мы ищем, а девушку по имени Хадижат, которая из Гехов.

— У нас такой нет, — отвечала женщина, и двери закрывались.

Уже в конце состава пожилая женщина, подробно расспросив, какую Хадижат мы ищем и кто мы для нее, вытирая слезы, рассказала о том, что Хадижат умерла в

вагоне, и о том, с каким трудом мужчины успели похоронить ее около путей, на которых стоял состав.

На какой это станции было, никто не знал. Мы с Даудом пришли в свой вагон и долго затем не выходили. Я молчал, понимая друга, а Дауд чаще стал пользоваться носовым платком.

Эшелон со спецпереселенцами продолжал путь в неизвестность...

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ (отрывки из воспоминаний)

Эшелон спецпереселенцев из Северного Кавказа подъезжал к городу Акмолинску. Резкий холодный ветер словно голодный волк, завывал в щелях старых товарных вагонов, пронизывая до костей, онемевших от холода и голода людей. Дети, казалось, были бесчувственны, и только тепло обезумевших от горя матерей поддерживало в них жизнь.

Круглые сутки, дрожавшие от холода, руки тянулись к чугунной печке, установленной в середине вагона. На печке пекли кукурузные лепешки размером с ладонь и тут же поедали их, обжигая иссохшие губы. Чеченцы и ингуши, привыкшие к мягкому климату, к теплым лучам кавказского солнца, тяжело переносили долгий путь в товарных вагонах и суровые морозы Северного Казахстана. Вши, размножившиеся с неимоверной быстротой, жгли исхудалые тела, высасывая кровь. Никто не знал, куда их ведут Солдаты, конвоировавшие эшелон, отрицательно качая головами на вопросы чеченцев.

Санитарный вагон, отличавшийся от других тем, что на дверях были выведены белой краской огромные кресты, был до отказа заполнен больными брюшным тифом.

... смертельная болезнь, которая умертвила сотни тысяч
... насекомых и расплзлась по вагонам,
... кто еще был здоров.

... полумесячного пути 7 марта 1944 года эше-
... в город Акмолинск. Началась разгрузка спец-
... Прямо в снег выгружались и постели, и
... с кукурузой, и ветхая домашняя рухлядь.

... эшелона – старший лейтенант по званию,
... разгрузкой спецпереселенцев, сразу же
... чеченцев, которые задавали разнообраз-
... Вопросы.

... начальник, – спрашивал один, пробира-
... кольцо людей и показывая ключи от
... – я приехал в чем есть. – Дом остался на
... где моя семья, что мне делать?

... работать, а семью со временем разыщут,
... начальник эшелона и тут же повернулся ко мне.
... несколько раз обращался к нему с просьбой выслу-
... меня.

... слушаю вас, – обратился он ко мне официаль-
... тоном.

... сутки ничего не кушали, ребята очень
... если нас не накормят, мы не сможем пойти в
... дезинфекцию.

... Сколько вас, студентов?

... Сорок, мы ехали в одном вагоне.

... Собирайтесь отдельно, я подойду к вам.

... окружили юноши, такие же, как и я, го-
... с грязными лицами. Это были учащиеся Аслан-
... сельского хозяйства техникума.

... Что он сказал? – обратился ко мне мой друг Дауд.

... Ребята, давайте собираться, начальник эшелона
... накормить нас.

– Смотри, так и накормят, – возразил подоночник, долговязый ингуш, работавший в техникуме завхозом. Он не любил, когда у него перехватывали инициативу.

– А почему не накормят? – огрызнулся я, и сам уже засомневался в том, что нас накормят.

Стараясь угодить начальнику эшелона, бывший завхоз техникума стал уговаривать ребят пойти в баню, пока не стемнело. Большинство ребят не поверили, что их накормят, и голодными отправились за завхозом в баню на дезинфекцию. Около меня остались человек десять ребят.

То там, то здесь, закутавшись в одеяла, сидели старики и дети. Иногда пронзительный крик посиневшего от холода и голода ребенка раздирал душу, и казалось, закричит ребенок еще раз, и сердце выскочит из груди от бессильной злобы и безысходности.

Начальник эшелона исполнил свое обещание. Нам накормили в привокзальной столовой, после чего, испавшись, и пройдя дезинфекцию, с остальными спецпереселенцами пришли на постоянный двор колхоза "Передовой", расположенного на краю города Акмолинска.

Поселок, где находился этот колхоз, не имел названия. В здешних местах поселки, словно каторжники, были под номерами. И поселок был под номером "27". Жили здесь в основном переселенцы из Центральной России, раскулаченные в 1937 году. Трудно сказать, когда им жилось лучше – до переселения или после. Несмотря на то, что вывезли их, лишив всего имущества, они сумели в голой степи построить дома, обзавестись хозяйством.

Сейчас они сами ждали спецпереселенцев – пацанов, и были подготовлены к встрече по-разному. Одни ждали чеченцев и ингушей с искренним сочувствием, другие – со страхом или явно враждебно. Среди населения поселков шел слух, неизвестно кем пушенный, что ведут

...и в штык, и в шпатель, которые и на людей-то не похожи, и в сабли, и в кинжалы, которыми они режут... Разное вероисповедание, незнание народа еще... достигало неприязнь к чеченцам и ингушам. Не... в распространении ложных слухов сыграли... НКВД, коменданты спецкомендатур и их по...

...двор колхоза давно скрылся в непрогляд... Маршал скрип саней заглушало завывание бу... Новое слышался звонкий свист кнута, сопровож... "цоб-цобе". На санях, запряженных бы... переселенцы. Втянув головы в плечи, за са... или студенты. Быки двигались медленно, на санях было холодно, да и полезно было... пути в товарных вагонах пройтись... На санях лежали пустые чемоданы и среди них... Дар Дауда.

...и вноминал вечера, проведенные в общежи... Андибековской школы механизации, веселье, где не... роль играл в жизни учащихся дечиг-пондар...

...разместили в колхозной пекарне. Многие... не могли уснуть, несмотря на усталость. Утром... человек разбрелись по поселку, ... новое место жительства.

...был небольшой, на окраине его стояла вет... мельница с обшарпанными крыльями. Рядом был... двор с изношенным до предела сельскохозяй... инвентарем. Некоторые дома были занесены... до крыш, и только узкий проход в снегу, выкопан... соединял жильцов таких домов с внешним... Из труб печей валил густой черный дым с мерца... искрами горячей соломы – основного топлива в

здешних местах.

В колхозном клубе, куда зашли ребята, разместились чеченские семьи. Спали на мешках и прямо на полу. Молодые люди постояли в клубе, прислушиваясь к разговорам, и, не услышав ничего утешительного о том, что ждет впереди, вышли.

В большой комнате правления колхоза, когда пришел на собрание, было тепло и уютно. Ребята с нетерпением ждали, что им скажут, некоторые верили, что их еще могут отсюда отправить обратно, в Акмолинск, а оттуда на Кавказ. Никто не чувствовал за собой вины перед государством, перед Родиной, и каждый считал переселение большим недоразумением, которое должны рано или поздно исправить.

Рядом с председателем колхоза и бригадирами сидел комендант явно недалекого кругозора в форме и с пистолетом на боку, сжав тонкие губы, исподлобья смотрел на ребят. Ему доставляло удовольствие, если кто-то из ребят отворачивался или опускал глаза. Он, вероятно, приписывал это своему сильному характеру. Ребята отворачивались не потому, что смущались, а потому, что было неприятно смотреть на его гнусную, противную физиономию. Было обидно, что судьба ребят, да и не только их, во многом будет зависеть от этого чучела, наряженного в форму. Он был не одинок. Немало подобных типов, подхалимов, людей без совести и без человечности, облачившись в форму НКВД, получив полную свободу действий от Берии – главного врага народа, издевались над советскими людьми. Много пакостей, много темных дел совершили они!..

Председатель колхоза рассказал о работе, которую весной предстоит сделать в колхозе, зачитал списки, кто в какую бригаду прикрепляется. Мы с Даудом – в одну бри-

Центральный стан колхоза "Передовой" находился в десяти километрах к югу от поселка № 27. Из полуподвальных помещений вырывались на степной простор звуки дечиг-пондара, извлекаемые тонкими пальцами музыканта. Грустная мелодия, смешиваясь с завыванием бура-го ветра, разносилась в просторах степи.

Кругом — кругом необозримая белая степь... Дауд, как всегда, ударял пальцами о струны, которые издавали звуки все жалобнее, все грустнее. Я внимательно прислушивался к звукам на ребят. Сердце от обиды сжалось до предела. Жалобные звуки дечиг-пондара, словно плетью, хлестали по моему сердцу.

Дауд, кончай играть эту грустную музыку, — сказал командир плесовую.

И пошли по кругу, раскинув руки, словно крылья, в пляс. В плясах было много горечи, они выражали непокорство и протест против несправедливости молодого, могучего духа, полнокровных сил, упрямства и надежд.

Время шло. Ребята работали на задержании снега, вывозили на санях сено для скота, а вечером собирались у костра и до мельчайших подробностей вспоминали прошлое, про техникум, про родных. Никто не мог даже предположить, где сейчас родные, куда их вывезли. Слухи сюда не доходили, никто не приезжал и не уезжал со стана. Двое ребят сбродили отсюда, заблудились в степи и на третий день уже живые вернулись назад. По этому случаю в стан прибыл командант спецкомендатуры и вместе с бригадиром собрав ребят, строгим и недовольным тоном прочитал внушение, что, мол, бежать бесполезно, все равно выловят, вернут и накажут.

— Вы должны искупить свою вину перед государ-

ством, перед товарищем Сталиным! – надрываясь начал комендант собравшимся, вращая налитыми глазами. А я сидел и думал... и пытался отыскать вину: "За что же я должен искать оправдание, за какие поступки должен искупать вину?" Вспоминал, как по раз меня отдали в русскую школу. Еще не зная русского языка, пришел первый раз в школу без родителей. Дошел среди русских ребят, пока не подошли двое старших ласников.

– Ты учиться пришел?

– Да, – ответил я, не понимая ни значения заданного вопроса, ни своего ответа.

– В первой смене?

– Нет, – ответил я.

Это был особый способ разговаривать на немецком языке. Я часто слышал слова "да" и "нет" и повторял их, чередуя. Боялся, что меня не примут в школу из-за незнания русского языка. А потому стал упорно заниматься изучать русский язык, а в третьем классе стал писать стихи. И в 1940 году перешел в восьмой класс.

Я дружил с Борисом Лозуренко, одноклассником. Мать Бориса преподавала у нас литературу. Мы часто были вместе. Вместе сочиняли стихи, занимались в кружке фотолюбителей, мечтали стать летчиками. Борис был год старше меня, хотя внешне мы выглядели сверстниками...

Началась война. Борис получил повестку из военкомата явиться с вещами. Я решил поехать с Борисом на фронт. Война представлялась необыкновенной романтической.

Попасть с Борисом в товарный вагон оказалось делом несложным. Прибыли в Армавир. Здесь проходило формирование новобранцев. Мне не удалось зачислиться

не состоялся, отнесутся к нам с недоверием. Вернуться назад – значить унижить себя перед ними, повернуть еще более унылое состояние, еще раз доказав, что это невозможно, что нет выхода из создавшегося положения.

Дауд и я ходили вдоль берега реки в поисках узкого места. Вернулись на окраину поселка, нашли его и принесли его к берегу реки. Поднялся речной туман. На востоке показался огромный шар красного хвоста солнца. Я положил бревно на лед и вспомнил закон физики: чем больше площадь опоры, тем меньше давление на квадратный сантиметр. А что если плашмя лечь на лед и осторожно, по-пластунски ползти? Ведь бревно не тонет. Я поделился своей мыслью с Даудом.

– Не знаю, удастся ли переползти через лед, но лучше умереть, чем возвращаться назад, – сказал Дауд, посиневший от холода.

Я разделся, связав одежду в два узла, и перекинул их на другой берег. Теперь отступления быть не могло. Только преодолев реку, я мог одеться. Лег плашмя на лед и осторожно пополз к противоположному берегу. Холод словно тысячи иголок, пронизывал голое тело. Не успев отползти и двух метров, как лед треснул. Я провалился в ледяную воду. Теперь нельзя было терять ни одной секунды. Я умел плавать и, ломая грудью тонкий лед, разбил его ударами ладоней, поплыл. Боль и холод не ощущались. Решалось: или жить, победив стихию, или, потеряв сознание, расслабив мускулы тела, мягко опуститься на жесткое дно Ишима. До берега оставалось совсем немного, когда я начал терять сознание.

– Плыви, плыви! – еле услышал я голос Дауда.

Почти без сознания, напрягая последние силы, вытаскивал свое тело из ледяной воды. Встал. Покачиваясь, подошел к узлу, вытаскивал шинель и закутался в нее. При

...себя, начал одеваться. Одевшись, пробежался,
...стреляя.

...вечность. Где же Дауд? Тот,
...разделся, перебросил одежду ко мне и
...было легче плыть по "проторенной дорож-

Мы развели костер на сухой прошлогодней траве,
...и отправились к Акмолинску. Усталые и голод-
...до базара. Здесь встретили чеченцев-од-
...Дауда. Они привезли нас в барак, где в каждой
...несколько семей. Мы переночева-
...а утром отправились на станцию. В поисках ро-
...ехать в сторону Караганды, куда, по рас-
...много эшелонов со спецпереселенцами.
...вечеру смогли мы выехать на товарном поезде.
...Анар сошли с товарняка, чтобы согреться. За-
...было небезопасно. Пошли к длинному
...Постучались в первую попавшуюся дверь. Пожи-
...чеченка, открыв дверь, сразу же пригласила
...Примерно за полночь. В единственной комнате в
...на полу спали дети и взрослые. С левой сто-
...на мешках кукурузы, изредка чмокая губа-
...старик небольшого роста с густой бородой и с
...закрученными усами. Шапка из черного барашка, ко-
...ушла с головы спящего, валялась на полу, обнажив
...голую бритую голову. Усадив нас у печи, старушка разбу-
...старика, который, в первую очередь, подобрав шап-
...на голову, потом, поздоровавшись, без упре-
...на прерванный сон сел на мешок, поджав по-
...поги. Пока он рассказывал о своих былых по-хож-
...старуха накормила нас чуреком и уложила спать
...рядом с остальными членами семьи. Дауд всю
...бредил. Утром мы ушли на станцию, чтобы вновь

продолжить путь в никуда.

На станции Нуринск нас задержал еще молодой милиционер. Среди документов у нас были изъяты фотографии со школы. Милиционер с интересом рассматривал их, видно, вспомнив свои школьные годы, для формы полнил анкетные данные и отпустил, предупредив, чтобы мы быстрее уезжали.

В Караганду приехали вечером. Ночевали в старом городе на вокзале, битком набитом разношерстной публикой. Здесь вповалку лежали инвалиды войны, старухи, торгующие на базаре махоркой, женщины с мешочками денег и просто бездомные нищие. Всю ночь по вокзалу шныряли карманники и воры. Отдельно в углу стояли двое хорошо одетых мужчин и две дамы, вероятно, одни из тех, о ком метко было сказано в народной поговорке: "Кому мать родна, а кому мать родна". Со всех сторон слышалось негромкое пыхтение спящих людей... Стояла своеобразная вокзальная духота.

На рассвете двинулись на базар – самое живое и бодрое место города. Здесь было много чеченцев, и среди них мы нашли односельчане. Узнали от них, что сестра Дауд находится в Ворошиловском районе Карагандинской области. Денег не было. Я снял с себя шинель и костюм, продал их за бесценок спекулянту. Затем я купил себе старую фуфайку, а остальные деньги поделил с Даудом.

Распрощавшись с ним, почувствовал себя одиночкой. В первое время я даже растерялся. Начал бесцельно бродить по базару, подходя то к одной, то к другой группе чеченцев. Постигшее несчастье еще больше сблизило людей, каждый хотел услышать что-нибудь новое, оживляющее.

Долго бродил я по базару, пока не встретил знакомого. Это был Салавди, который жил недалеко от нас и гу-

На тот был не тот Салавди, каким привык я видеть его в мирное время. Тогда он имел щегольской вид. Теперь же выглядел, как нищий. Белая рубашка имела цвет золы. Спецовка — темные пятна засохшей крови, которая, выходя из носа, На ногах старые шерстяные носки с дырками в пятках. Иссохшие, сшитые из сырого материала чуваки, болтались, привязанные к подошвам. Зеро друг о друга создавали своеобразный звук. Он выглядел, как больной. Рядом с ним стояла такая же женщина-нигушка и чеченец, примерно такого же вида, как Салавди. Они о чем-то спорили. Я узнал, что Салавди ехал в одном эшелоне с моими родителями, но когда он заболел брюшным тифом и его сняли с эшелона в городе Петропавловске. Излечившись, он и его жена отправились в распоряжение Карагандинского

И отправился с ними.

С интересом смотрел я на дымящиеся терриконы, вспоминал кинофильм "Мы из Донбасса", который видел в детстве. Разглядывая в окно черные от угля шахты и шахтеры, я невольно вспоминал слова песни из той же эпохи: "как на шахте угольной заметили парень-то тебе ему руку дружбы..."

Я думал о том, как хорошо бы было, если бы эту руку дружбы подали бы сейчас мне! Но, увы! Кто протянет руку дружбы в грязной фуфайке в неизвестном ему городе? Единственными, кто мог его приласкать, были мать и отец. Но они сейчас? Куда, в какие края заброшены коварной судьбой?

В тяжелые годы войны люди огрубели. Редко можно встретить человека, которого не коснулась бы война.

И поезде шныряли карманники. То с одной, то с дру-

гой стороны заходили нищие и охрипшими, нищими голосами выводили: "Братцы, подайте инвалиду на питание". Люди отворачивались, но нищие не отступали, требовали, крыли матом. Смущенный пассажир с укором доставал последний рубль, чтобы отвянуть уходящие милостыню.

Салавди и я сошли с поезда в новом городе и сив, где находится управление НКВД, пошли туда. Там было мало людей, и Салавди, очень плохо владевший русским языком, обратился к дежурному, чтобы пропустили к начальнику. Еще дорогой мы договорились, что будет разговаривать на русском Салавди, а я прикроюсь не понимающим этот язык. Я боялся, что не успею утаить правду, что я не тот, за кого себя выдаю, что документов нет. (Временный паспорт остался в хозяйстве).

Дежурный ушел докладывать, и из-за фанерной перегородки я ясно услышал разговор дежурного.

– Кто там? – спросил сотрудник.

– Двое чеченцев, просят пропустить к начальнику.

– Они не могут совершить диверсию?

– Кто знает, доложу заместителю.

Через некоторое время нас провели к заместителю начальника управления НКВД по спецпереселенцам. Салавди подал ему направление и как мог объяснил, что мы направлены сюда из города Петропавловска, где не было больницы. Заместитель оказался отзывчивым человеком. Он сказал нам, что эшелон № 864 проследовал на Балда. Затем написал записку в столовую, чтобы нас накормили. Обещал направить на работу.

– Сынок! Живой!

В комнате было тепло, братья спали на одной кровати. Отец разбудил их.

— Ага, Али! — поставьте, смотрите, кто к нам при-

шел. Он подошел к кровати, спросонья протирая глаза, с удивлением взглянул на старшего брата, кинулся на шею, так и плакал. Исполняясь радостью встречи. С другой стороны другой брат Али. Мать возилась у плиты. Отец, выходя из кухни с тушеном мясом, старался отрезать самый большой кусок.

Поселок Коунрад был небольшой с одно- и двухэтажными домами, деревянными бараками, частными строениями и валяком в стороне. Достопримечательности — это котельня "Горняк", баня, озелененный сквер, столовая. Здесь жили жители поселка и рабочие рудника.

Исполняясь по поселку, я встретил своего сверстника Махмуда, с которым до выселения работал в Гудермесской МТС. Разговаривая, мы подошли к хлебному магазину, куда шел отovarивать карточки Махмуд. Вдруг за спиной раздался оглушительный взрыв, потом еще и еще. Махмуд испуганно: как могли сюда долететь немецкие самолеты! А Махмуд смеется: "Не бойся, это на первом Коунраде взрывают руду".

— А где это первый Коунрад? — спросил я.

— Там, за сопками, в трех километрах, туда "компаши" ходят. Хочешь, поедем со мной? Я в управление рудника собираюсь устроиться на работу.

"Компанка" — паровозик с товарными вагонами для перевозки людей был полон рабочими рудника. Жители Коунрада почти все знали друг о друге. В вагонах между собой заводывалась оживленная беседа, шутки, смех. В вагонах между собой люди на время забывали тяготы повседневной жизни, превращались в непринужденную, бесшабашную компанию, и поэтому поезд, на котором ехали на работу и с работы, в шутку называли "компашкой".

Здесь были представители многих национальностей: русские, казахи, корейцы, украинцы, татары, и теперь же по прихоти "отца всех народов" приехали чеченцы с ингушами. Чувствовалось, что война вошла в эту "интернациональную компанию", разрушившееся на весь народ внезапным выселением с родных мест, тяжким грузом давило на сердца и души.

До первого Коунрада доехали быстро, с Махмудом в рудоуправление. Он отдал документы на дел кадров. Махмуд предложил мне пойти с ним на рудник, но я пока не мог устроиться на работу, так как мой паспорт остался в колхозе, откуда я начал поиск родителей.

Став на спецучет, я устроился на работу счетоводом в подсобное хозяйство "Медьпродснаба". Однажды меня вызвали к начальнику общепита Чередниченко. В облике немолодой женщины чувствовалась добротность, которая усиливалась ее мягким украинским говором. Она сказала, что зовут ее Надеждой Трофимовной и что она забрала меня на работу в общепит буфетчицей в столовую. Я представил себя в белом халате, она ставила, как будто смеяться надо мной сверстники. Внезапно Махмуд, вскочил, чтобы уйти. Но Надежда Трофимовна спокойным мягким голосом усадила меня за стол и так по-матерински спросила:

– Ты сейчас голодный?

– Да, – ответил я, – но не так, чтобы очень.

– А будешь работать в столовой, хоть сытым, а будешь. Не отказывайся. Сейчас чеченцы и ингушане болеют брюшным тифом, есть постановление санэпидстанции, в столовых спецпереселенцев кормить изолированно от других людей. Они не владеют или плохо владеют русским языком, а ты, зная его и свой родной, мог бы им

Истала за буфетную стойку вместе с тетей Душой, как она искусно вырезает карточки, выдавая в личный паек и талоны на получение обеда на

завтрак. Забирала голодных людей не прерывалась и в обеденной столовой. Вечером я помогал тете Дусе клеить по вечерам хлебных и жировых карточек на целую пачку бумаги, которые на второй день сдавались в бухгалтерское бюро. Горе тому, кто потеряет карточку: отсутствие хлеба означало смерть.

В рабочее время было трудно успевать обслуживать всех быстро. Некоторые возмущались, слышались из-за стен столовой. Тогда тетя Таня, заведующая столовой, приходила мне на выручку.

Успокойтесь, товарищи, мы вас быстро отпустим.

Для голодного читателя, наверное, трудно представить, какой был на вкус борщ, куда вместо мяса клали капусту, вместо капусты – люцерну и десять грамм сахара. Иногда в вареве попадались картофельные крошки. А какой был хлеб? Этим хлебом покормить бы с месяц домашних животных! Этим же хлебом кормит домашнюю скотину!

На определенном расстоянии от столовой находилась большая деревянный ящик, куда высыпались отходы приготовления пищи. Каждое утро куча смертельных животных спецпереселенцев от детского до преклонного возраста собиралась около этого ящика и ждала выноса пищевых отходов. И всякий раз тетя Таня ухитрялась вынуть из алюминиевую кастрюлю для отходов большую картофелию. Когда кастрюля наполнялась, ее выносили и высыпали в деревянный ящик. Картофель, засыпавший на дно кастрюли, оказывался наверху и тут же раздавливался.

Тетя Таня иногда брала меня с собой на работу, получала продукты для столовой. Я видел, как эта русская женщина с тамбовщины униженно выпрашивала у завсклада несколько килограммов полугнилого хлеба, чтобы отдать его голодным спецпереселенцам.

Было лето 1944 года. Свирепствовал брюшной тиф. Людей не успевали хоронить.

Однажды в столовую зашел очень высокий и худой человек. Брюки-галифе из темно-синего шевита, до конца начищенные, поношенные сапоги, рубашка с большими нагрудными карманами, подпоясанная тонким поясом с серебристыми украшениями, резко выделяли его среди других. Он сел за свободный столик, подождал, пока очередь уменьшится, и, когда у буфета никого не осталось, подошел к столику и протянул хлебную карточку.

— Молодой человек, возьми себе всю хлебную карточку и дай мне две булки хлеба.

— Зачем тебе столько, что ты потом до конца месяца будешь есть? — Я не стал объяснять ему, что хлеб разрешается выдавать только на один день, и что у меня карточка за месяц вперед в учетном бюро не примут.

— О том, что я буду кушать, не беспокойся, а хлеб мне сегодня нужен на похороны жены и сына, которые скончались ночью. Они, видно, решили назло мне умереть в одну ночь.

Я за время выселения много видел смертей, много видел людского горя, но никогда ни от кого не слышал такого тяжелого юмора, такого самообладания при такой трагедии.

Я прошел за буфет, принес две буханки хлеба и положил перед ним, отказавшись от предложенных мне хлебных карточек.

Через несколько дней Салман снова появился в сто-

...и в свой же облик, такой же опрятный, но более осу-
...и более нехудавший, к нему подходили земляки
...и забота и заботы. После высказанных тради-
...и еще заблуждения, которые заканчивались
... "Нам всем предстоит туда уйти", разговор пере-
...на другую тему.

...и был удивительно интересным рассказчиком.
...и в себе окружающих не только внешней оп-
...и умением приукрашать любой обыденно-
...и рассказ мудрыми народными поговорками и
...и. Интересного собеседника любили не только пе-
...и, но и русские, казахи, немцы.

...и столовая стала местом встреч, своеобраз-
...и спецпереселенцев. Сюда, на коунрадский руд-
...и в город Балхаш, привезли чеченцев и ингушей из
...и районов Кавказа. Они были преднамеренно раз-
...и по обширной территории Казахстана, Киргизии.
...и провидился античеловечный план Сталина на пол-
...и депортацию народа, уничтожение его как народно-
...и нации. Но в трагический период у народа в пол-
...и проявился выработанный годами инстинкт са-
...и взаимопомощи, интернациональной друж-

...и Несмотря на усиленную пропаганду и директивы
...и в том, что спецпереселенцы (чеченцы, ингуши,
...и, абхазы...) являются чуть ли не поголовно вра-
...и народа, предателями, изменниками, советские люди,
...и которых Сталин и его окружение еще не успели наве-
...и ярлык предателей, не поверили и не поддались этой
...и агитации. Соучастие людей разных национальностей
...и помогло чеченцам и ингушам в эти трудные
...и выжить, не озлобиться.

И столовую, гонимый голодом, очень часто заходил

Джебар из Центороя. Джебар был еще крепкий и неплохо играл на гармошке чеченские мелодии. Таня всегда была с ним. Однажды он заиграл чеченскую танцевальную мелодию. Салмана вытолкали на улицу, да я узнал, что он не только хороший рассказчик, но и личный танцор.

Как-то тетя Таня позвала меня на кухню и попросила отнести обед в другой зал, и накормить Салмана бешбармазом. Я и сам очень привязался к нему и с большим удовольствием исполнил желание тети Тани. Поставил обед перед Салманом большую чашку щей и кусок хлеба.

— Что это?

— Покушай, Салман. Это тебе послала наша заботливая бабушка.

— Я не кормился на подачках за чужим столом, — сказал он и отодвинул чашку.

Прошло около месяца после этого случая. На улице уже было с утра жарко. Воскресенье у меня выходной, я пошел на базар, который находился в стороне от поселка. Далеко впереди я увидел Салмана со свертком под мышкой. Он тоже шел в сторону базара, но какой-то странной шаткой походкой. Я ускорил шаг, чтобы догнать его. Салман всегда интересно, несмотря на разницу в возрасте. Он оказался каких-то 20-30 шагов до Салмана, когда он вдруг неестественно закрутился на месте и упал. Я подошел, чтобы помочь, подошли и другие, но Салман был уже мертв. Мы отнесли его в сторону, старик-чеченец начал читать молитву. В стороне лежал выпавший из рук Салмана истанг, который он, вероятно, хотел продать на базаре. Мы завернули его в этот истанг и принесли для заморозки в комнату в деревянном бараке, где он проживал. В комнате было пусто, если не считать деревянных пар, из которых сняли этот истанг.

Я был последним из своей семьи, которая выжила в 1944 году на Коунрадском руднике от тифа и голода. Единственный очаг погас навечно. И это был не последний случай в 1944 году даже в таком маленьком городке.

В начале войны застал меня в совхозе, что в 90 километрах от Коунрадского рудника. Огромная каменная гора Коунрадского рудника очень похожа на сидящего льва. С одной стороны расположен дом отдыха, с другой – молочный завод. У подножья горы густые заросли арчи и кое-какие березы.

В магазине и маленьком магазинчике совхоза, которые были полны продуктами и промтоварами небольшой коллекции вещей. Магазин находился под одной крышей с квартирой директора совхоза Вершинова. Бывший директор никого из рабочих не обижал.

В этот час в 10 утра в совхоз пришел подросток и сообщил радостную весть о победе в войне над фашистской Германией. В совхозе не было рации. Вершинов вместе с подростком ко мне в магазин и велел выдать подростку за радостную весть чай и отрез на костюм, а также вызвать вестирача совхоза и приказал срочно зарезать молодого быка.

Недалеко от конторы совхоза находился маленький котлах, куда свезли всех рабочих. В больших котлах отварили картошку. Провозгласили тост за победу. Многие плакали от радости. Каждый из спецпереселенцев в душе надеялся на то, что с окончанием войны обязательно вернется домой на Кавказ.

В 1946 году я с родителями вернулся в Коунрад и вместе с родителями в клуб "Горняк". Я уже говорил, что клуб был одной из достопримечательностей Коунрада. Здесь демонстрировались фильмы, проходили торжественные

Передо мной стоял высокий красивый парень с тонкой подбородке в поношенной стеганой фуфайке с деланными коричневой кожей рукавами.

– Садись, пожалуйста, откуда ты? – спросил на чеченском языке.

– Я из Старых Атагов, а сейчас живу и работаю в Фрунзе.

– А что ты делаешь?

– Танцую.

Так я впервые познакомился с Махмудом Эсамбаевым в 1946 году. С Володей Буяновским, мужем Зины Буяновской, после знакомства с Эсамбаевым мы договорились об арендной оплате.

Вечером в бараках я сказал, что завтра состоится концерт с участием артиста-чеченца. К началу концерта зал был переполнен спецпереселенцами. Со дня своего прибытия впервые приехал для выступления артист-чеченец. Концерт проходил без особых восторгов. Все ждали выступления Эсамбаева. Махмуд, одетый в костюм из простого черного трико, станцевал два танца из какого-то балетного ничего общего не имеющих с национальными. И только после концерта чеченцы говорили друг другу, что Махмуд внес в танец элемент из чеченского танца. На второй день я поехал в Балхаш, где в гостинице жили артисты, и там попрощался с Махмудом.

Концертные бригады из Фрунзе приезжали сюда. Но Махмуд Эсамбаев больше не показался. Я спросил у одного из приезжих артистов, которые сообщили мне, что спецкомендатура не разрешила Махмуду выезжать на гастроли.

Город Балхаш. Он расположен на берегу озера Балхаш. Оно богато рыбой. В городе большой комбинат, где в основном перерабатывается медная руда.

Сюда в 1946 году приехала наша семья. Центром

...квартал, где находились двух- и четырехэтажные многоквартирные дома, городской сквер, а также административные здания и торговые магазины. Вокруг этого квартала располагались Рабочий, Набережный, Северный, Сталинский, Кирпичный завод, станция Бертус, Рыбокомбинат.

Вокруг Балхаша были размещены спецпереселенцы, которые оказались в поселке Набережный. Вся семья оказалась в небольшом домике рядом с городской баней, которая неизбежно входила в колею. Чеченцы и ингушские семьи на самых трудных участках медеплавительского производства, потому среди чеченцев и ингушей был самым высоким процент больных. А между тем законы по отношению к спецпереселенцам ужесточались. Так, в 1948 г. было принято постановление, подписанное Молотовым и Сталиным, об осуждении к 20 годам каторги любого спецпереселенца за выезд без разрешения комендатуры с мест поселения. Всех спецпереселенцев, достигших совершеннолетия, вызывали в комендатуру и заставляли расписаться в том, что он ознакомлен с Указом.

Кроме чеченцев и ингушей было к тому времени много татар, которые героически сражались на фронтах войны фашистской Германии.

Многие из них не могли примириться с такой несправедливостью и очень часто нарушали режим. И за это жестоко расплачивались. Так, одним из них был Сайд-Ахмед Ганиев. Фронтовой разведчик, он форсировал Днепр, освободил Смоленск, был ранен в челюсть. По излечении вернулся на Кавказ. Оттуда – в Алма-Ату. Здесь он работал слесарем и увез в Балхаш. Позже Сайд-Ахмед вместе с женой выехал в город Караганду, а оттуда – во Фрунзе. Но там арестовали за самовольный выезд и осудили на 20 лет лагерей. Пять лет до смерти Сталина отсидел воин-фрон-

товик в лагерях Воркуты.

...Драматический театр Карагандинской области долгое время почему-то базировался в городе Балхаше. Несколько молодых людей, задумали создать чеченско-ингушскую самодеятельную танцевальную группу. С просьбой обратились к директору театра. Он радостно выделил комнату для занятий. Нашелся и руководитель. Ребята начали усердно репетировать номера. Денег у ребяток не пускали. Но к нам перешли несколько девушек русской самодеятельности, которые очень быстро освоились чеченским танцам. Нашли гармошку, сами купили барабан, готовились к выходу на сцену.

В летнем театре парка намечался праздник, где намечалось выступление нашей группы. Мы составили программу, придумали название танцам. Это были "Чеченский быстрый танец", "Ингушский танец", "Современный групповой танец" и другие.

Наконец настал долгожданный праздник. Летний театр был переполнен зрителями. Среди них много спецпереселенцев. Ребята наши одеты в настоящие кепки и папахи, в поисках которых обходили почти все дома проживающих в Балхаше чеченцев-стариков. Наши танцы были башлыки и серебристые пояса. Перед началом концерта ко мне подошел заведующий отделом культуры и культуры исполкома и попросил программу нашего выступления. Я ее знал наизусть и продиктовал.

Заведующий не стал до конца записывать программу. Сказал, что сейчас вернется, и ушел. Подошел к моему соседу НКВД, стал о чем-то объясняться. Затем обратился ко мне с просьбой, что-бы я заменил названия танцев. Пусть они будут грузинскими, лезгинскими, кабардинскими, но не чеченскими или ингушскими. Я пытаюсь объяснить, что мы будем исполнять чеченские и ингушские танцы.

...не сумеем. Я подошел к ребятам и объяс-
нил им, пояснив, что, если не разрешают эти танцы,
то не надо участвовать.

Мы все прогнули сцену. У всех на душе было отвра-
тно. Культурно-художественная самодеятельность чечено-ин-
гушских танцев прервала свое существование, мы так ни
одна и не выступили перед зрителями.

ФАКТЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

ТЕЛЕГРАММА

(СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО)

НА ГОСУДАРСТВЕННОМУ КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
ТОВАРИЩУ БЕРИЯ Л.

Согласно сообщению, что к погрузке переселяемых чеченцев и
ингушей приступили к 5.00 часам 23.11.1944 г. Всего было при-
готовлено к отправке и отправлено 180 эшелонов по 65 ваго-
нов в каждом с общим количеством переселяемых 493.269
человек. В среднем по 2740 человек на эшелон. Срок пребыва-
ния в пути составляет от 9 до 23 суток, а в среднем –
15 суток.

В пути следования народилось 56 человек, сдано на из-
лечение 183 человека, умерло 1272 человека.

Начальник конвойных войск НКВД СССР генерал-май-
ор [имя]

А. И. МИКОЯНУ

Члену Президиума ЦК ВКП(б) и Ингушских рабочих и служащих, колхозников,
колхозниц и интеллигенции Казахской ССР

ЗАЯВЛЕНИЕ

Народы Чечни и Ингушетии, руководимые большевика-
ми Праконикидзе и Кировым, в самые тяжелые для страны
дни не допустили наступления контрреволюционных сил Юга

России и принимали на себя сильнейшие удары врага.

Отрезанные больше года от Советской России кольцом контрреволюционных сил, трудящиеся Чечни и Ингушетии, неся тяжелые потери, сражались не только за свою свободу, но и за лучшее будущее всей Советской страны.

Целый год продолжалась партизанская борьба чеченцев и ингушей в тылу у Деникина, которая истощала лучшие авангардные силы Деникина. Она помогала Красной Армии громить врага, и вместе с ней красные партизаны разгромили и изгнали белых с городов Грозного и Владикавказа, со всей территории Северного Кавказа.

Вместе с рабочими г. Грозного дралась и погибала за власть Советов чеченская беднота. Она подала руку помощи своим братьям – русским. Отряды Исаева и других смельчаков сражались плечом к плечу с русскими рабочими отрядами.

История знает, что с помощью Чеченского Народного Совета, находившегося в Гойтах, удавалось обеспечить город боеприпасами и продовольствием. В своей телеграмме на имя Ленина 7 февраля 1919 года Орджоникидзе писал: "Чечня совместно с красноармейцами отражает банды вокруг г. Грозного".

На 5 съезде трудовых народов Терской Советской республики 3 декабря 1918 г. Серго говорил, характеризуя ингушский народ: "Я всегда сообщал Москве о преданности этих лучших, испытанных борцов за народную власть". От 6.12.1918 г. № 176 опубликовано в газете "Народная власть".

История знает, что деникинское командование вело переговоры с ингушами о том, чтобы последние пропустили через свою территорию белых, которые хотели окружить Владикавказ со всех сторон.

Деникинцы дали ингушам час срока, после чего обещали открыть стрельбу. "Стреляйте сейчас же!" – ответили им ингуши. Деникинская армия, героически осаждавшая Владикавказ, насчитывала более ста тысяч штыков и сабель. У "красных" же было не более двух тысяч бойцов.

2 февраля 1919 года, в связи с опасностью окружения

Владикавказ, штаб обороны был перенесен в ингушский Базоркино. 4 февраля 1919 года в Базоркино на съезде вооруженного ингушского народа Серго говорил: "Положение очень серьезное, на нас наступает сильный враг – Деникин". Ответной речью выступил почетный старик Сайд: "Сын Орджоникидзе, ингушский народ был сиротой, но в тебе он обрел вождя. Ты несешь нашему народу счастье. Ты орел с распростертыми крыльями. Сейчас твои крылья связаны. Но придет время, и ты расправишь их снова, и будешь парить над горами Ингушетии. Мы пойдём за тобой! И тогда не забудь маленький ингушский народ, всем своим горячим сердцем полюбивший тебя, нашедший в тебе вождя и друга".

Серго предложил провозгласить Горскую Автономную Республику. С бурным приветствием приняли ингуши предложение Серго.

7 февраля 1919 г. Серго послал телеграмму Ленину: "Бои вокруг города Владикавказ и Ингушетии продолжаются сeday воей день. Все ингуши, как один, встали на защиту Советской власти. На съезде вооруженного ингушского народа 4 февраля по моему предложению провозглашена Автономная Горская Советская Республика – Орджоникидзе".

В 1943 г. Чечено-Ингушская Автономная Республика, поддерживая фронт, досрочно перевыполнила государственный план по всем поставкам. Воины Чечено-Ингушетии героически сражались на фронтах Отечественной войны вместе с советским народом против немецко-фашистских войск и армии империалистической Японии.

Несмотря на все это, действуя наперекор историческим фактам, нарушив конституционные права автономной республики, отозвав с фронта чеченских и ингушских воинов, сражавшихся вместе с другими воинами Красной Армии против внешних врагов, агент международного империализма с 1919 г., враг народа Берия и его банда, путем двурушничества пробравшиеся на посты вследствие культа личности, 23 февраля 1944 г. в день рождения Красной Армии, в день ликования советского народа, с помощью вооруженных сил, превосходящих чис-

ленность населения, лично руководя координацией войск, подвергли выселению маленькие чеченские и ингушские народы, не имея на это особых причин и мотивов. Мы пережили в этот день неслыханное в истории существования человеческого общества испытание и всеобщее горе.

Известно, что мы силою оружия и вероломства оставили веками нажитые не только недвижимое, но и движимое имущество. По прибытии в Среднюю Азию, нам пришлось пережить не только моральные, но и материальные трудности, вследствие ряда причин неизвестных нам, как-то: недоброжелательность на местах, незнание языка коренных жителей, трудности в освоении климата, тифовые заболевания, отсутствие квартир, топлива, одежды, обуви и голодного существования. Все это вместе взятое унесло из нашей среды много жизней. Так, например, в одном Таласском районе на втором квартале 1945 г. погибло более трех тысяч переселенцев (см. докладную в Совете Министров и ЦК КП Киргизии, а также копию в переселенческом управлении при Совете Министров Киргизской ССР).

Одновременно враг народа Берия и его банда, издавая специальные законы, наносили "оперативные удары" по сокращению переселенческого контингента, производили массовые аресты, нарушая социалистическую законность. Так, например:

1. Закон 1944 г. "О саботаже" с санкцией лишения свободы.
2. Закон 1948 г. "О нарушении границ переселенцами" с санкцией 20 лет каторжных работ.
3. Закон 1951 г. "О неработающих", оказавшихся временно без работы, социально опасных, с санкцией 8 лет лишения свободы.

В большинстве случаев на местах старательно растолковывали означенные законы. Аресты по этим "преступлениям" производились на местах, а по большинству дел приговоры этих категорий выносились Особым Совещанием МВД СССР, лишая подсудимых конституционных и процессуальных гарантий.

Кроме того, в нарушение общих Законов имеются много случаев незаконных арестов, осуждений, ущемления прав, уни-

статус достоинства людей переселенческого контингента.

Так, например, в 1949 и 1951 гг. беспричинно проводило МВД мероприятие по выселению переселенцев из г. Фрунзе, в Чуй, от линии железных дорог и т.д. в отдаленные районы, освобождая их от работы, проявляя к ним политическое недоверие. Это мероприятие МВД было приостановлено ЦК КПСС согласно нашим сигналам. Органы МВД под разными предлогами выселяли в отдаленные районы Киргизии неугодных им лиц вместе с семьями. Так, например, Барахоева со своей семьей, Бузуртанова со своей семьей, а также многих других.

Отдельные сотрудники МВД, встав на путь нарушения социалистической законности, применяя недопустимые, запрещенные приемы следствия, сфабриковали уголовные дела против отдельных лиц, принуждая свидетелей оговаривать подсудимых. Вследствие этих действий пострадали Газдиев Ахмед, Цороев Камбулат, Тумгоев Юнус, Тангиевы и др.

По сей день из контингента переселенцев никто не работает в партийных и советских органах МВД. Этот факт приводил к тому, что у нас возникают мысли, мы себе задаем вопрос: "Почему чеченцев и ингушей, несмотря на 12-летнее пребывание в Азии, не включают в политическую жизнь страны?"

Это несовместимо с идеей марксизма-ленинизма. Более того, переселенцы – члены партии, безупречно работавшие всю жизнь, сегодня не могут устроиться на материально-ответственную должность. Многие продолжают нищенскую нестерпимую жизнь.

В течение 12 лет пребывания на новом местожительстве, почти нет случаев приема в партию лиц из чеченской и ингушской наций. И это несмотря на то, что многие рабочие и колхозники своим самоотверженным трудом умножают богатства нашей страны. Более того, массами, при отсутствии объективных оснований, исключали из партии чеченцев и ингушей, игнорируя их преданность делу коммунистического строительства.

Открыто по-большевистски информируем Вас, Центральное Правительство, что так с нами поступали до последнего времени, исходя из того, что по генезису оказались ингушами и

чеченцами.

По приказу врага народа Берия МВД установил в отношении чеченцев и ингушей невыносимо-жестокий режим, заставляя под угрозой ареста переходить с одного населенного пункта в другой. По этой причине не только молодое поколение, но и взрослое население из наших наций не имели практически возможности учиться в высших и средних учебных заведениях.

Ввиду изложенных фактов у чеченцев и ингушей возникла всталась крупная проблема в деле просвещения наций, а также в вопросе дальнейшего получения образования. Чеченско-ингушская интеллигенция старшего возраста находится на грани вымирания.

Это значит, что от других национальностей Советского Союза в культурно-воспитательном отношении мы отстали на 10-15 лет. Несмотря на то, что чеченцы и ингуши своим честным и отверженным трудом в колхозах и совхозах, на заводах и фабриках доказывали свою любовь к Родине, по сей день не получили никаких награждений из их числа правительственной награды. Мы говорим уже о награде "Герой Труда".

В резолюции 20 съезда Коммунистической партии Советского Союза по отчетному докладу ЦК КПСС с полной определенностью зафиксировано, что в своей национальной политике Коммунистическая партия исходит и исходит из ленинского положения о том, что социализм не только не устраняет национальных различий и особенностей, но и обеспечивает всестороннее развитие и процветание экономики и культуры всех наций и народностей.

Мы все — чеченцы и ингуши, с ликованием встретили решение 20 съезда Коммунистической партии Советского Союза. Мы безгранично радуемся, видя строжайшее соблюдение ленинских принципов коллективного и осуждения культа личности.

Мы знаем, что Ленин, ЦК КПСС с первых же дней существования Советской власти провозгласили автономию для чеченцев и ингушей. Оклеветав наши народы, гитлеровские агенты, используя отсутствие коллективного руководства и страх, сумели добиться упразднения Чечено-Ингушской Республики, полностью выселив последних.

Мы искренно желаем видеть восстановленную Чеченскую Республику со столицей в г. Грозном, иметь равновесное положение многочисленных народов Советии.

Ввиду вышеизложенного, доводим до вашего сведения, что намерены на партию коммунистов и Советское правительство, ожидая решения важнейшего для нас вопроса о возвращении на место прежнего жительства, с восстановлением автономной республики со столицей в г. Грозном.

Мы уверены, что партия и правительство с пониманием относятся к нашему заявлению и соответственно исполнят единодушное желание.

Подписи прилагаются.

Эти документы, в которых отражены проблемы, а в первую очередь судьбы народов, выселенных в Казахскую ССР, которые воспроизводят беспросветную жизнь мачехой-опекунши отверженных народов, вынужденных, будучи изгнаны из родины, самим добиваться освобождения от позора существования, и ценой самоотверженного, напряженного, кропотливого труда, болезненного упорства, наконец-то встретиться с желанной землей отцов и де-

Тема возвращает читателя к теме этой книги, ведь история повторилась.

г. Гудермес

"О ВАРВАРЫ!"

Первые годы депортации были самыми тяжелыми для кабардинского народа. Подрастающее поколение мало выжило и пережитых в то время тягот. О них мои сверстники не очень любят рассказывать своим сыновьям, вну-

кам и правнукам. Дело в том, что все мы были обиженные и униженные, холодные и голодные, и мы, 18-20-летние парни, должны были противостоять злу... Вспоминать об этом сейчас тяжело и стыдно. Мы ходили по помойкам, пытаясь найти что-нибудь съестное. Любого изгнанника могли оскорбить, назвать изменником родины, бандитом, а мы ничего не могли делать: были бессильны, да и любое сопротивление грозило тюрьмой, ссылкой в более отдаленные места. Да и прошедшие две войны стерли из памяти моих сверстников пережитое на чужбине. Многие хорошо отстроились (и слава Богу), ездят на дорогих машинах...

Но помнить все равно надо. Один мой сверстник из Гудермеса рассказывал о том, как находил на свалке кочерыжку от капусты, очищал ее и прижимал к раскаленной плите печки. Кочерыжка прожаривалась, и он ел ее с удовольствием. Она казалась такой вкусной, что вкус от нее сохранился до сих пор.

Мне было 18 лет, когда я проживал в поселке Коунрад со своей семьей. Здесь в небольшом рудничном поселке проживали чеченцы из разных мест: аккинцы, гудермесцы, надтереченцы, центроевцы и т.д. Так было запланировано: рассеять чеченцев по общинам, чтобы родственники не могли помочь друг другу...

Как-то мать сказала, что меня вызывают в комендатуру. Когда я пришел туда, там уже толпились работники милиции, санэпидстанции, а также другие представители властных структур. Висинбаев – казах по национальности, сказал мне, что я им нужен как переводчик. Дело в том, что многие чеченцы и ингуши из переселенцев не владели русским языком, были безграмотны, причем как горные, так и равнинные. До высылки я учился в русской школе, закончил семь классов и неплохо владел русским

таким. И меня часто вызывали в спецкомендатуру в качестве переводчика. Оказывается, необходимо было пропустить быт спецпереселенцев по баракам.

Мы начали обходить бараки, разговаривали с истощенными жильцами, хотя помочь им не могли. Как сейчас, помню барак под номером 11. В нем проживали переселенцы из селения Хоси-Юрт. Во всех почти комнатах лежали больные, немощные дети. Когда дошли до половины барака, одна комната оказалась закрытой на крючок изнутри. Спросили у соседей, почему комната на запоре. Те ответили, что не видели обитателей несколько дней...

Комендант ножом отбросил защелку, дверь распахнулась, и всех нас обдал такой трупный запах, что все невольно зажимали носы. У кровати, если можно назвать ее таковой (железки, обтянутые алюминиевой проволокой, заваленные тряпьем), увидели уткнувшуюся в нее фигуру женщины. Она была мертва, под ней лежал ребенок, тоже — кожа да кости... Сразу определить возраст ребенка было невозможно. Около двери валялся еще один скрюченный труп... С нами была русская девушка из санэпидстанции, видимо, работавшая здесь недавно. Когда она вместе с нами вошла в барак, ей стало плохо, а придя в себя, девушка выпалила "О варвары!" и выбежала вон. Больше в поселке я ее не видел. В чей адрес были обращены слова "О варвары!", для меня осталось загадкой...

По указанию коменданта я взял труп женщины на плечи. Мне показалось, что кусок мяса отвалился от ее плеча. Стало жутко и страшно. Эта картина до сих пор стоит перед моими глазами...

Смогу ли я простить коварство, учиненное над моим народом сталинизмом? Однозначно — нет. Я не пойму тех людей, которые хотят реабилитировать Сталина. Когда я вернулся домой, на Кавказ, пошла мода клеить портреты

Сталина на лобовые стекла автомашин. Не претило, когда это делал грузин, осетин или дагестанец, но когда идолу поклонялся чеченец, который только что вернулся из ссылки, меня брала оторопь... Как можно забыть свою печальную историю? Если это делал мой сверстник, я просто срывал эту картину и рвал на клочья, говоря ему в глаза, что он не мужчина и не чеченец. Молодым рассказывал о пережитом старшим поколением. После этого молодежь рвала и выбрасывала портреты тирана.

СОЛЬ ЧУЖБИНЫ

Особенно трудной в жизни вайнахов после выселения в Казахстан и Киргизию была весна 1944 года.

Чеченцы и ингуши, оставшиеся в живых после мучительного переезда в товарных вагонах, в которых до этого перевозили скот, исхудавшие, бледные, голодные, не знали, куда себя деть.

На Кавказе, у себя на Родине, они занимались бы пахотой, ухаживали бы за скотом, изготавливали бы саман для постройки домов. Здесь же, в Балхаше, где только камни и песок, чеченцам и ингушам, привыкшим к крестьянскому труду, некуда было приложить свои руки.

Надев на головы истрепанные старые папахи, мужчины целыми днями бесцельно слонялись по городскому базару в надежде услышать что-нибудь новое, утешительное о своей дальнейшей судьбе. Женщины-чеченки и ингушки быстрее приспособлялись к жестким условиям Сибири.

"Сибирью" называли и Казахстан, и Киргизию. До сих пор среди людей преклонного возраста можно услышать: "Это было тогда, когда мы были в Сибири".

В трех километрах от города Балхаш, расположен-

ного на берегу озера Балхаш, находится посёлок "Рыбт-рест". Около этого посёлка – мелководное солончаковое озеро. Когда пригревало солнце, вода в озере испарялась и пологий берег покрывался мелкой белой кристаллической солью.

Соль была с горчинкой, но в пищу годилась. Женщины-чеченки приспособились собирать эту соль. Надо было спасать детей от голодной смерти.

Целыми днями женщины на страшном солнцепеке, изъеденными солью руками, собирали горстями влажную соль в мешки, на спине приносили домой, сушили и продавали на базаре по 1 рублю за поллитровую банку. Чтобы купить 1 буханку хлеба, надо было собрать, перенести на спине за три с лишним километра, высушить дома и продать на базаре 30-35 кг этой соли.

Рынок, огороженный высоким деревянным забором, находился в центре города на возвышенном месте. Сразу же после входа в него, прямо на землю усаживались чеченки, чтобы продавать соль.

Чеченцы и ингуши-мужчины собирались у входа на рынок, делились новостями.

Вперемешку с торгующими солью чеченками находились торговцы табаком-самосадом. В основном это были русские, бывшие фронтовики. Табак-самосад привозили из Караганды, на чем люди зарабатывали неплохо. В воскресные дни, когда на базаре бывало столько народу, что трудно было пройти, по базару шныряла вечно пьяная группа из 6-7 человек, одетых в шинели.

Главенствовал в группе "инвалидов-фронтовиков" здоровый, вечно с красной рожей уголовник-рецидивист – Вася. Никто не знал ни его настоящего имени, ни фамилии. Связываться с ним никто не хотел. Бывало, огрест он палкой не успевшего уступить ему дорогу и уходит в тол-

пу. Даже работники милиции обходили его стороной.

Чеченцы и ингуши старшего поколения просили свою молодежь не связываться с ним. Однако нам было тогда по 18-20 лет, мы не могли быть равнодушными к такому обращению со своими родителями и стариками.

Нас, ребят, собралось человек десять. Решили покончить с этой бандитско-шовинистической группой, издевающейся именно над чеченцами и ингушами.

До сих пор у меня осталось подозрение, что и эта группа, да и, как выяснилось потом, подобные ей преступные античеченские и антиингушские группировки, действовавшие на рынках других городов и даже в лагерях среди заключенных, были созданы специально из уголовников, работающих на НКВД, по директиве Берии. На такую мысль меня натолкнуло событие, происшедшее в лагере заключенных в г. Темиртау Карагандинской области в 1950 году.

В этом лагере уголовниками-рецидивистами были убиты 22 чеченца и ингуша во время ночного сна. Такие случаи бывали и в других лагерях Казахстана, а это наталкивает на мысль, что подобные террористические акты, направленные на физическое уничтожение чеченцев и ингушей, санкционировались в высших правительственных кругах, в окружении Сталина и Берии.

Все это было осмыслено потом, а в 1945 году, когда нам было по 18-20 лет, мы в это глубоко не вникали, а просто, собравшись, решили наказать базарного атамана, базарных мародеров, измывающихся над чеченками, торгующими с таким трудом добытой солью. Сейчас трудно вспомнить всех поименно, кто был тогда рядом со мной. Были Магомед из Алерея, Хажмурад – ингуш из Сурхахи, Алим-паша из Хасав-юртовского района, были из Ахкинч-Барзой, Регаты Ножай-юртовского района, были и из

Шштоевского района. Не было среди нас деления ни по тайповым кланам, ни по месту рождения, ни по диалекту, так это практикуется сейчас. Все мы были просто вайнахи, и это, я считаю, помогло выжить нам, обреченным на полное вымирание во время ссылки в 1944 году.

Было лето 1944 года. Собравшись в субботу, мы договорились с утра в воскресенье встретиться на базаре у тира.

На рынке народ собирался рано утром и после обеда обычно расходился. В воскресенье утром у тира собрались все ребята. Ждали Васю. Ждать пришлось недолго. Вася и сегодня был таким же, как обычно, – в расстегнутой шинели без погон, с красной заплывшей мордой с похмелья. От него несло перегаром.

Проходя мимо, Вася злобно и с ненавистью посмотрел на нас красными глазами, кинул на ходу: "Уф, зверье собралось!", – и ушел в толпу базара. Один из нас, чеберловец, рванулся к нему, но мы его удержали: "Подожди, потерпи, всему свое время!".

Сделав круг по базару, Васина шайка вернулась к выходу. Здесь у входа торговали махоркой. Рядом с ними пристроилась чеченка с солью.

Заметив ее, Вася, сопровождаемый своей шайкой, подошел к ней и резко приказал убраться с этого места. Женщина пыталась объяснить, что дома голодные дети. "Вон отсюда, фашистка!" – рявкнул Василий басом, пнул ногой мешок с солью и рассыпал ее на землю.

– Ты что делаешь? – подошел к Васе щуплый, худой муж чеченки в старой папахе, весь трясясь. И неожиданно для старика толстая палка Васи опустилась на его голову. Он покачнулся, из-под папахи показалась кровь. Толпа в ужасе шархнула в стороны. Мы кинулись на Васину шайку.

Чеберлоевец был выше нас ростом. Я увидел, как он ударил Васю по шее. Когда он поднял кулак, в руках у него оказался окровавленный самодельный нож. Из шеи Васи брызнула кровь.

В руках у нас появились и куски трубы, и палка Васи. Долго били Васину шайку, шайку уголовников-рецидивистов, измывавшихся над чеченцами и ингушами на балхашском базаре. Табачников как ветром сдуло. В тот день базар разошелся рано, еще не было и 10 часов утра, а на базаре не было ни души, если не считать милиции и скорой помощи, приехавших забрать Васю.

Вася выжил. Но с тех пор на балхашском центральном рынке ни чеченцев, ни ингушей до их возвращения на Кавказ никто не трогал.

МАТЬ

Депортация уничтожила более половины населения. Людей косили голод и холод, эпидемия брюшного тифа.

В правдивом эпизоде, описанном ниже, очевидцем которого я сам был, хочу рассказать о том, каким мужеством и самопожертвованием обладала чеченка-мать во имя потомства, во имя сохранения нации.

Летом 1944 году Ирабу добралась до г. Балхаш Каз. ССР из Петропавловска, где она без сознания была вынесена из вагона одного из эшелонов со спецпереселенцами. Больная брюшным тифом, она узнала, что состав проследовал на Балхаш. В вагоне, откуда ее вынесли, оставались муж и двухлетний сын. В поисках их она добралась до Балхаша. Сына нашла у родственников, а мужа не было в живых. Долго плакала Ирабу, обнимая сына. Тонкие, как хворостинки, ручки и ножки, непомерно раздутый живот свидетельствовали о том, что сын болеет рахитом. Ме-

шок кукурузы, прихваченный из дома, оказался давно съеденным родственниками. У сына не было сил даже плакать. Мать пыталась дать ребенку грудь, но откуда могло быть молоко у женщины, более месяца болевшей тифом в лазарете, кишевшем клопами.

Ирабу жила в маленькой кладовке барака. В поисках съедобного она зашла к родственникам попросить кусочек хлеба для сына. Хлеба ни у кого не оказалось. Старая женщина-казашка обратила внимание на плачущую женщину.

– Почему плачешь, что случилось? – спросила она.

– Сын умирает, кушать хочет! – всхлипывая, ответила Ирабу.

– Пойдем, – сказала казашка и повела Ирабу к землянке, в которой жила.

Она вынула кусок хлеба и несколько баурсаков. Ирабу пришла домой и, размочив хлебные крошки, завернув их в тряпку, сунула в рот малышу. Сын медленно, потом все быстрее начал высасывать живительную влагу из тряпки. Ирабу съела баурсак, запила водой и легла спать.

Рано утром встала и, оставив спящего сына, замотав дверь проволокой, пошла в незнакомый город. На асфальтовых улицах было чисто и пусто. Даже ни одной травинки.

Она пошла через центральный квартал и очутилась на окраине, где были построены более хозяйственными жильцами дома и сарайчики. Пройдя железнодорожную ветку, идущую на склады медпродснаба, наткнулась на двор, где содержали коней для гужевого транспорта. Этот транспорт использовался для перевозки продуктов питания в торговые точки. Ищущие глаза остановились на катышках лошадиного навоза. Из них торчали острые концы ячменных зерен. Она вспомнила, как дома собирала

лошадиный навоз, чтобы добавить его в глину, готовила полужидкую массу и натирала полы в доме.

Дело в том, что во всех домах чеченцев, за редким исключением, полы были не деревянные, а глинобитные, и их приходилось время от времени обновлять глиной жижей с конским навозом.

Сейчас Ирабу вспомнила это и ее осенило. Она нашла старое ведро возле сарая и начала собирать катышки конского навоза. Набрала полное ведро и вернулась домой. Ирабу высыпала на пол конский навоз и лихорадочно начала выделять ячменные зерна, несварившиеся в желудке лошади. Отложив посуду с зернами, понесла навоз подальше на пустырь. Тщательно вымыв зерна, высыпала их в армейский котелок, залила водой и поставила на огонь. После начала кипения варева, в кладовке появился приятный запах пищи, перемешанный с навозом. Положив немного в тряпочный узелок, всунула в ротик малышу. Сын сперва медленно, потом активнее начал сосать тряпку. Мать дождалась, пока сын наестся, немного отложила на потом и оставшееся съела сама. Смертельный голод был побежден.

Таким образом, мать и сын кормились несколько дней. Позже Ирабу познакомилась с женщинами, которые за три-четыре километра пешком ходили на добычу соли. Они реализовывали ее на базаре и на вырученные деньги покупали хлеб. Ирабу нашла источник пропитания и сын начал поправляться. К осени Ирабу устроилась на металлургический завод Балхаша, получила комнату в бараке и жизнь пошла своим чередом.

Послесловие

С тех пор прошло 55 лет. Предлагая покупателю свою книгу "Спецпереселенцы" в селе Курчалой, я подошел к

группе оживленно беседующих людей. В центре внимания был мужчина в дорогой дубленке, бесцеремонно сидящий на переднем сиденье иномарки. Я предложил купить книгу, автором которой являюсь сам.

– Кому нужны твои воспоминания о высылке? Там жили как князья, – ответил он, пренебрегая не только моим возрастом, но тем, что я заговорил с ним.

– Да, – подтвердил я, – действительно чеченцы и ингуши из-за своего трудолюбия и взаимовыручки стали жить лучше в последние годы выселения. Но я же пишу о первых годах депортации.

– Это нам не нужно – отрезал он.

– Где же ты жил в Казахстане? – спросил его я.

– В Балхаше. Слышал о таком городе?

У меня больше вопросов не было. Я спросил у мужчины, стоящего в стороне, из какого он аула и чей он такой гордый. Из расспросов я узнал, что это – сын той самой Ирабу. А его мать, проявившая героизм во имя спасения сына, как многие матери чеченцев и ингушей, умерла, не выдержав как моральных, так и физических страданий.

14.03.01.

г. Гудермес

ХАМАДИ

В Гудермесе Хамади знали все. Правда, звали его заика-Хамади, этот недостаток за ним имелся. Он был самым заурядным колхозником. На работу в колхоз его вытаскивали силком, как и многих других, так как на трудодни в колхозе ничего не выдавали. На общих работах его не держали, так как сам он работал плохо и других расхолаживал своими острыми шуточками в адрес колхозно-

го руководства. Руководители колхоза его не любили за это, да и ХАмади не пытался им понравиться. Под врага народа не подходил по той причине, что был слишком наивным и недалеким. Руководство колхоза назначило его ночным сторожем на ферму, чтобы он не разлагал дисциплину среди колхозников.

23 февраля 1944 года ХАмади возвращался с дежурства рано утром. Рассвет только-только забрезжил на востоке. ХАмади шел через пешеходный мост над рекой Гумс. Мост на стальных тросах раскачивался в такт его шагам. На мосту ХАмади встретил односельчанина, который шел ему навстречу. Поравнявшись, он воскликнул: "ХАмади, нас выселяют!" – "Как выселяют? Куда?" – Не понял ХАмади. – "Всех!" – "И Тати выселяют?" – "И Тати". – "И Солтахмада?" – продолжал спрашивать ХАмади. – "И Солтахмада", – отвечал односельчанин, не понимавший, для чего его спрашивает ХАмади. – "О радость! О праздник!" – воскликнул ХАмади, заикаясь. ✎

Тати был председателем сельсовета, а Солтахмад председателем колхоза, в котором работал ХАмади. Они всегда – и в шутку, и всерьез – как могли, измывались над ним. И потому радость ХАмади была искренней, хотя трагедия, коснувшаяся и самого ХАмади и всей Чечено-Ингушетии, была огромной и безмерной.

Когда ХАмади подходил к дому, его солдат с автоматом и под конвоем подвел к мужикам-односельчанам, окруженным солдатами, а затем последовал долгий путь в товарных вагонах в Казахстан и Киргизию.

Поселок 2-й Коунрад, куда вместе с другими гудермесцами привезли и ХАмади, был знаменателен тем, что здесь в основном проживали рабочие рудника, на котором открытым способом добывали медную руду для Балхашского медеплавильного комбината. Гудермесцы, как и

Другие чеченцы и ингуши, были разсланы с семьями по всему Казахстану и Киргизии. Особенно много гудермесцев высадили в городе Караганде, что в пятистах километрах от Балхаша. Выезд к родственникам в другой город был ограничен. Выезд был возможен только по разрешению, выдаваемому МВД.

В то время среди чеченцев грамотных было мало, и поэтому ко мне часто обращались с просьбой написать заявление на имя коменданта спецкомендатуры о получении разрешения на выезд в другой населенный пункт к родственникам. После визы коменданта проситель-спецпереселенец отправлялся в город Балхаш к заместителю начальника МВД по спецпереселенцам, который выдавал разрешения или отказывал.

Пришел однажды и ХАмади с просьбой написать заявление о том, чтобы дали ему разрешение на выезд в город Караганду. Я достал лист бумаги и приготовился писать. ХАмади остановил меня, достал из кармана бумагу форматом вдвое меньше и попросил написать на нем. Я немного удивился, но просьбу выполнил. Кроме того, ХАмади попросил написать прямо на имя Чкарина в МВД, минуя коменданта спецкомендатуры.

Всем было известно, что без взятки коменданту получить разрешение на выезд было невозможно. Взяв заявление, ХАмади поблагодарил меня, аккуратно положил заявление в карман и ушел. Выйдя от меня, ХАмади направился на рынок, где купил бутылку водки, наклеил на бутылку сверху этикетки заявление и поехал на рабочем поезде в Балхаш.

В МВД ХАмади напросился к замначальнику по спецпереселенцам Чкарину в кабинет. Чкарин сидел за столом и что-то писал. "Что тебе?" – спросил он бесцеремонно стоящего перед столом ХАмади. Тот поставил бутылку на

стол. Чкарин взял бутылку и, прочитав заявление, укачивая на бутылку, спросил: — "А что вот это?" — "В-в-в..." — пытался выговорить ХАмади, но так и не смог. Наконец он стукнул средним пальцем по своему горлу, после чего ясно выговорил: "Водка!"

Чкарин приподнялся с места, повертел бутылку в руках, открыл пробку, понюхал и во всю мощь захохотал. Затем он сел за стол, усадил ХАмади и позвонил по внутреннему телефону своему помощнику Литвинову. Тот явился быстро. "Напиши, — сказал ему Чкарин, — разрешение на выезд в Караганду этому человеку, а затем зайди ко мне, да что-нибудь из закуски прихвати. — Чкарин начал расспрашивать ХАмади, но тот очень плохо владел русским языком, да и заикаться стал сильнее. Вскоре в кабинет вернулся Литвинов с написанным разрешением. Чкарин подписал его тут же, и ХАмади выпроводили из здания МВД. Вся эта история закончилась тем, что ХАмади продал швейную машинку, привезенную им из Гудермеса, и выехал в Караганду.

Не могу не рассказать и еще об одном последнем печальном эпизоде из жизни этого замечательного весельчака, остроумного народного шутника.

ХАмади лежал тяжело больной. Его окружили родственники, ХАмади, который лежал с потухшими глазами, вдруг слабым голосом сказал: "Я на днях отлучусь, получил вызов от родственников. Если что, пришлю и вам вызов, без моего вызова не спешите следовать за мной". Многие удивились, как это такой тяжелобольной собирается отлучиться из дома?

На второй день ХАмади не стало.

КОРОВА МОЯ, ГОЛОВА НЕ МОЯ...

Весна 1944 года, первая весна была особенно жестокой после выселения чеченцев и ингушей. Брюшной тиф и голод одолевали всех без исключения.

В поселке Кирзавода, находящегося в г. Балхаш, около барака, где проживали чеченцы-спецпереселенцы, сидела группа молодых ребят. Ребятам было по 15-16 лет. Все они были в одинаково ветхой одежде, одинаково худые, с одинаково землистым цветом лица и одинаково голодны.

Среди них был и Жандар. Жандар отличался от других более маленьким ростом, большим количеством веснушек на красивом рыжеватом лице. Он обладал неисчерпаемым юмором. Озорные, бегающие по сторонам глаза выдавали в нем большого выдумщика и заводилу. Он что-то горячо обсуждал с ребятами, когда из-за барака появилась корова казахской породы. Трудно сказать, что привлекло корову к этому голодному бараку.

Первым заметил корову Жандар: "Ребята, смотрите, это наша корова пришла за нами из Гудермеса". Все дружно захохотали. "А что, – продолжал Жандар, – наша корова была точно такая, только рога не вовнутрь, а наружу. Слушай, Саид, кто у тебя живет?" – Жандар оживился, глаза его заблестели. "Я один живу, – ответил Саид, – ты же знаешь, мои все умерли в дороге". – "Саид, давай мы корову заведем в твою комнату, – предложил Жандар. – Выправим рога, и завтра – на базар". – "Давай", – согласились ребята.

После всеобщего одобрения идеи Жандара согласие самого Саида и не требовалось, хотя никто и не представлял, как Жандар собирался развернуть рога наружу. У входа в коридор барака сидела пожилая Маржан. Жандар ска-

зал ей, что ее вызывает какая-то женщина на другой стороне барака. Маржан поднялась и пошла на другую сторону барака. Ребята без особого труда завели корову в комнату Саида. Большое окно барака завесили старым одеялом.

Жандар сходил к своим родителям и принес немного пшена. Последовав его примеру, другие ребята тоже принесли понемногу пшена. Пшеном недавно отоваривали карточки. Жандар попросил Саида затопить печь и поставить кастрюлю с водой, чтобы из пшена сварить кашу. Рога коровы разогревали, прикладывая горячую кашу и потихоньку разгибали наружу. Корове, видно, было больно, но ребята мешали ей мычать. Эта операция закончилась уже за полночь. Рога коровы были развернуты наружу.

Рано утром решили отправиться с ней на базар. На рассвете, накинув на шею старый резиновый кабель, ребята привели корову на базар. На Балхашском базаре и в базарные дни редко продают скотину, а сегодня в будничный день вывели продавать корову. Торговцев тут же окружили, спрашивая цену и удивляясь, откуда у чеченцев-спецпереселенцев корова, ведь не привезли же они ее с собой. Взрослые чеченцы понимающе переговаривались на своем языке, ухмылялись. Казахи интересовались ценой, недоверчиво посматривали на юношей и тоже переговаривались между собой на казахском языке.

Прошло более часа. Никто не заметил, когда около коровы появился пожилой казах высокого роста, с редкой бородкой в кунаке, перевязанном тканевым поясом, и треугольным малахаем из лисьих шкур на голове. Он долго и внимательно осматривал корову со всех сторон, затем изумленно остановился перед коровой и воскликнул: "Бай! Корова моя, голова не моя!"

"Аксакал, чего тебе?" – Подошел к нему Жандар. "Ой

бай, – повторил снова аксакал, – корова моя, рога не мои!" – "Плати деньги, тогда будет корова твоя", – парировал Жандар, нахально глядя на казаха снизу вверх. "Ой бай! – снова вскричал аксакал. – Кхайда милици?" Окружающие любопытные не могли понять. Аксакал побежал за милиционером. Жандар подмигнул ребятам и тихонько по-чеченски сказал: "Разбегайтесь!" И сам ушел в толпу базара, оставив в недоумении и корову, и окружающих. Аксакал пришел с милиционером, но ловить уже было некого.

Толпа зевак, окружающих корову, от души хохотала, когда поняла, в чем дело. Аксакал под хохот базара повел корову домой, взявшись за старый резиновый кабель, который был накинута на шею коровы с разогнутыми рогами на голове.

ИНДИРБИ

1945 год

Морозный зимний день отличался от других таких же январских холодных дней тем, что в этот день ни на секунду не прекращалось завывание пурги, пронизывающее все живое. Термометр показывал более 30 градусов ниже нуля.

В небольшую столовую на первом Коунраде, где в основном питались работники инженерно-технического персонала (ИТР) рудника, зашли трое чеченцев-спецпереселенцев, отряхиваясь от снега. К прилавку буфета, за которым я стоял, подошли все трое. Старший из них заговорил со мной на чеченском языке с ярко выраженным аккинским акцентом. Он назвался Омаровым Индирбием, сказал, что живет и работает бригадиром в молочном совхозе Биктау-Ата, являющимся пригородным хозяйством коунрадского филиала Балхашского медьпродснаба, распо-

ложенного за 90 километров от коунрадского рудника. Индирби просил отпустить им несколько буханок хлеба по хлебным карточкам за несколько дней вперед, так как они не знают, когда доберутся до совхоза при такой погоде на санях.

Вежливый, с редким знанием родного языка, Индирби сразу же расположил меня к себе. Было такое впечатление, что я встретил близкого родственника. Я, конечно, отпустил хлеб по карточкам за несколько дней вперед, проводил всех троих до вереницы саней, груженных разными товарами для рабочих совхоза Биктау-Ата.

Так состоялось мое первое знакомство с Индирби Омаровым, бывшим директором школы Кешен-аула Хасав-юртовского района до выселения в 1944 году. Индирби был старше меня на 10-15 лет.

В апреле 1945 года меня перевели кладовщиком в совхоз Биктау-Ата. Начальник предснаба представил меня директору совхоза Вершинину, бывшему фронтовику, с которым я приехал в совхоз для приема склада у бывшего кладовщика Нажмудина Гафурова, аварца, выселенного вместе с чеченцами-аккинцами 23 февраля 1944 года.

До сих пор не знаю причину, почему вместе с чеченцами и ингушами выселялись, хотя и крайне редко, семьи других национальностей, которые до конца оставались спецпереселенцами. Возможно, они в паспортах записывались как чеченцы или ингуши во избежание мобилизации на фронт. С 1943 года вышел приказ Сталина о том, чтобы чеченцев и ингушей не призывать в армию. Нажмудин жил в колхозе с семьей и мне предложил жить у него, пока я не получу в совхозе комнату и не перевезу своих родителей. Первым делом я спросил у Нажмудина про Индирби Омарова. Оказалось, его семья находится здесь, а сам он в сенокосной бригаде еще дальше за 40 ки-

дометров от совхоза. К Гафурову часто заходил его хороший приятель-завхоз совхоза местный казах Джутабаев. Оба они были почти ровесниками моего отца.

Через несколько дней проживания у Гафурова, я ясно почувствовал его неприязнь к себе за то, что я, хотя и не по своей вине, заменил его в должности кладовщика совхоза. Будучи молодым и неопытным, я еще не знал, что на этом месте можно жить легче и сытнее, чем на общих работах. Нажмудин несколько раз в порядке совета старшего, опытного в жизни человека, провоцировал меня на нарушения в торговле. Я понял, что не без его помощи становлюсь темой для разговора, в конторе и у директора совхоза Вершинина. Когда я понял все это, я перешел жить к кассиру совхоза — аккинцу Мустафе Пашаеву.

Однажды вечером, когда было уже довольно темно, в квартиру Мустафы, резко открыв дверь, вошли четверо — бухгалтер совхоза и трое рабочих-активистов из числа коммунистов. В руках у одного было двухствольное охотничье ружье, которое он наставил на нас с Мустафой, сидящих за столом. Бухгалтер потребовал немедленно сдать ключи от сейфа и кассы у Мустафы, и от склада — у меня. Дети и жена Мустафы перепугались, да и мы с Мустафой не могли понять, в чем дело. Жена Мустафы вышла во двор, где под заборчиком увидела Нажмудина Гафурова, сидящего на корточках с самокруткой в зубах. Бухгалтер забрал ключи, составил акт изъятия и сказал, что таково распоряжение директора совхоза Вершинина.

Суть дела оказалась в том, что у Нажмудина Гафурова за бутылкой водки состоялся сговор с завхозом совхоза Джанакбаевым, после чего Джанакбаев заскочил в квартиру директора совхоза Вершинина, предварительно порезав ножом свое пальто. Он заявил директору, бывшему уже под хмельком, о том, что на него с целью диверсии

напала группа спецпереселенцев-чеченцев, состоящая из бригады Индирби Омарова, меня и Пашаева, что подтвердил и Нажмудин Гафуров.

Провокация Гафурова и Джанакбаева достигла цели. Меня с Мустафой уволили с работы. В отношении Омарова Индирби выяснилось, что он безвыездно находился в сенокосной бригаде за 40 километров. Был сезон сенокоса. Даже я с ним ни разу не встречался, после того как он один раз встретился мне в столовой зимой на Коунрадском руднике. И тем не менее мы с Мустафой были уволены, и нас направили на общие работы, хотя позже стало известно о том, что произошла фальсификация фактов в случае с Гафуровым и Джанакбаевым.

Надо сказать, что любая несправедливость в отношении спецпереселенцев-чеченцев и ингушей со стороны любой другой национальности и тем более начальства поощрялась работниками НКВД, а власть как на местах, так и в центре всецело принадлежала им.

Для разбора этого инцидента приехал комендант спецкомендатуры Коунрада Тычинин и замначальника Балхашского МГБ Громов. Провели собрание рабочих и служащих совхоза с целью искоренения подобных явлений. Был специальным нарочным вызван и Омаров Индирби из сенокосной бригады. Почти не знакомый с человеческими подлостями, а выселение чеченцев и ингушей считавший большим недоразумением, я, выступив на собрании, пытался доказать, что чеченцы и ингуши выслааны безвинно и что подобные Гафурову и Джанакбаеву являются врагами Советского Союза. "Не клеветите на честного коммуниста, а то мы арестуем и увезем тебя", – прикрикнул на меня зам. нач. МГБ Громов. Индирби Омаров также пытался выступить в защиту чеченцев и ингушей. Его тоже оборвали.

В тот день я окончательно потерял веру в Сталина, веру в справедливость; в тот день я горько разочаровался в своих прежних убеждениях относительно справедливости советского строя. Ни один чеченец не поддержал на собрании мое и Индирби возмущение, попытку рассказать правду о чеченцах, о спецпереселенцах. Но после собрания, как говорится, закулисных "единомышленников" обнаружилось немало. Индирби тут же, к слову, рассказал собравшимся чеченцам – рабочим совхоза, о том, как я зимой помог ему, выдав по карточкам хлеб. Узнав, что я остался без работы, Индирби предложил мне поехать работать с ним в сенокосную бригаду. Я принял его предложение и выехал косить сено на косилках, запряженных лошадьми. На второй же день мы с Индирби выехали в бригаду Омарова косить сено для совхоза Биктау-Ата.

ПИСУ

23 февраля 1944 года. Сыпал мелкий снег, дул холодный ветер, который пронизывал обветшалую за годы войны одежду людей.

В это раннее утро погода была ненастной и морозной, словно Аллах хотел подчеркнуть надвигающуюся беду и горе на вайнахский народ. Во всех аулах и населенных пунктах Чечено-Ингушетии в это утро были слышны мычание скота, завывание собак, кудахтанье домашней птицы, плач растерянных женщин и детей. Взрослых мужчин, под разными предлогами собрав вместе, внезапно окружали автоматчики НКВД и пешими гнали в сторону железной дороги. Плачущих женщин и детей спешно под конвоем грузили на американские грузовики-"студебеккеры", которые тоже с какими-то трагически воющими мо-

торами вывозили людей на станцию, где стояли эшелоны товарных вагонов, перевозивших ранее скот, цемент, удобрения и другие товары народного потребления. Они были наспех переоборудованы для перевозки людей. Все оборудование состояло из двухъярусных широких деревянных нар и железной печки, установленной в середине вагона.

Вагоны быстро загружались женщинами, детьми и стариками. Плач женщин и детей становился глуше после того, как солдаты-конвоиры закрывали двери вагонов и навешивали большие висячие замки. В течение нескольких часов чеченцы и ингуши, за исключением тех, кого живо сожгли в колхозной конюшне Хайбаха, а также нетранспортабельных больных, искусственно умерщвленных в больницах, были погружены в эти эшелоны, являющиеся по своей сути эшелонами смерти, и которые в тот же день, 23 февраля 1944 года в сопровождении безжалостных конвоиров – русских нелюдей, по приказу палачей Сталина, Берия и их приспешников, стуча колесами на стыках рельс, ушли на восток, в неизвестность.

Для того чтобы читатель мог хотя бы мысленно представить, как перевозили вайнахов во время депортации, мне хочется описать один эпизод, подобных которому были сотни в пути следования эшелона.

Мы, несколько студентов Асланбековской школы механизации, расположенной в Серноводске, уехали в одном вагоне с жителями из Серноводска. В одном конце вагона расположились женщины и дети, в другом – мужчины. Среди плачущих детей, которые иногда затихали, особенно выделялась непрерывным плачем девочка, которой было около трех лет. Прерывая плач, она просила

мать вернуться домой. На пятые сутки эшелон прибыл в Орск, где морозы были особенно сильными. Девочка, которую звали Альбика, не переставала плакать, у нее была температура. За эти дни девочка сильно похудела, красивое личико осунулось, в черных глазах появился лихорадочный блеск. Мне стало жаль девочку. Во время длительной остановки на какой-то станции, я стал сильно стучать в дверь вагона. Дверь приоткрылась и появился в шубе и пороженный снегом краснощекий солдат-конвоир с пистолетом и штыком в руках.

"Кто тут стучит!?" – крикнул он враждебно.

"Это я стучу!", – ответил я дерзко солдату, – нам нужно лекарство от температуры, в нашем вагоне тяжело заболел ребенок". – "Когда приедете на место, будете просить лекарство, если будешь еще стучать, получишь пулю в лоб". Взрослые, слышавшие этот диалог, отдернули меня от двери. Солдат, выругавшись, резко задвинул дверь и накиннул засов.

Мать больной девочки, несколько суток не спала, ухаживая за ней. На второй день после описанного случая, Альбика перестала плакать и тихо позвала: "Пису, пису", – так звали кошку, оставшуюся дома в Серноводске. Девочка долго звала кошку, но ее не было. Весь вагон, затаив дыхание, прислушивался к голосу умирающей девочки. И тут один из мужчин снял меховую шапку и протянул ее матери, которая отдала ее в руки девочки. Почувствовав мех, Альбика улыбнулась и прижала слабыми ручками шапку к себе. Вскоре головка девочки упала на бок, и глазки закрылись. Альбика больше не шевелилась, она была мертва.

ЧАЙКИ

В Балхаше я постоянно ездил на охоту на мотоцикле. Бывало, и с товарищами на машине, но больше всего любил ездить один. Мне было интересно находиться одному среди дикой природы, где, казалось, не ступала нога человека.

Вокруг озера Балхаш камыши и густые заросли, словно в джунглях. У одного плеса в камышах долго ждал перелет уток, несколько раз выстрелил в пролетающих, ничего не взял, продолжал ждать еще. Вдруг над плесом, где я сидел, закружились чайки. От нечего делать я выстрелил в них. Подстреленная чайка упала в воду. Смотрю, остальные чайки не улетают. Они с криком и с шумом кидаются в воду, пытаясь спасти подстреленную. Тем временем, стреляю еще раз, падает еще одна, затем – третья. Но чайки все равно не улетают. Четвертый мой выстрел в воздух их тоже не отпугнул...

Я долго смотрел на чаек, сожалея о содеянном. Такую привязанность пернатых друг к другу я встретил впервые. И с тех пор никогда я в чаек не стрелял.

ТАНЯ

Таню я увидел впервые в небольшом поселке Коунрадского рудника, что в восемнадцати километрах от города Балхаша, что в Казахстане. Она сидела на скамейке и читала какую-то затрепанную книжку. Я много слышал о ней, но увидеть пришлось впервые в 1944 году. Обезображенное, обожженное лицо Тани страшно было видеть.

Тяжело было смотреть на эту очень грациозную девушку с таким лицом. Говорили, что в 1942 году при эвакуации на эшелон налетели немецкие бомбардировщики и разбомбили поезд. Таню, уже обожженную, подобрали подоспевшие военные, родители ее погибли. После всего этого она приехала в Коунрад и жила у какой-то старушки.

Когда я подошел к ней и поздоровался, она внимательно подняла на меня свои глаза, удивилась, как-то по-детски улыбнулась и очень приятным тихим голосом ответила на приветствие. Видно, не каждый пытался общаться с ней, и это ее удручало.

Прошло некоторое время. Она часто сидела на скамье под радиорупором, из которого передавались военные сводки, голос Левитана сообщал о всех новостях, о наступлении советских войск, о том, как идут бои на фронте. В другое время Таню можно было увидеть в столовой или в магазине с хлебной карточкой в руках. О ней говорили разное: одни, что она всю ночь не спит, что-то пишет. Знавшие ее ближе говорили, что она переписывается с одним из фронтовиков. Дескать, она отправила ему фото другой девушки. Некоторые осуждали ее за обман, а другие жалели, не считая это дело заторным. До несчастного случая она сама была красивой и привлекательной.

Прошел еще год, настал 45-й, победный. Начали возвращаться фронтовики. И вот однажды я услышал, что приехал тот самый фронтовик, с которым переписывалась Таня. Мне было жаль Таню, и я переживал за ее судьбу. Как она встретится с фронтовиком? Что станет, когда обнаружится обман, что Таня не та девушка, которая на фотографии? Таня мне нравилась, потому что была большая умница, рассудительной и очень симпатична в разговоре. Потому беспокоился за нее. Таня же, узнав о приезде воина, долго скрывалась, ее искали. Красивый, строй-

ный фронтовик в медалях и орденах разыскивал Таню по поселку, показывая всем снимок другой девушки. Многие понимали, но помалкивали. И в поссовете, где он побывал, служащие, посмотрев друг на друга, почувствовали неловкость. Парень уловил, что от него что-то скрывают, но продолжал поиск. Благодаря тому, что поселок был небольшой, он наконец нашел Таню и узнал всю правду о том, что Таня и есть та самая девушка, которая долгое время писала ему. Таня просила простить ее, утверждая, что хотела поддержать хотя бы одного солдата своими письмами. Послания ее были лирическими, живыми, любовными. Но Таня убеждала солдата, что никого не любит и его тоже.

– Нет! – говорил солдат, – не может быть, чтобы мы не любили друг друга, ведь наши письма, милая Танечка, были от чистого сердца, и я полюбил тебя.

– Нет-нет! Разве я могу с таким лицом полюбить кого-либо.

– Можешь, Танечка. И ты можешь любить, и тебя могут.

По поселку пошли слухи о том, что Таня заморочила голову такому красавцу. О чем только не судачили злые женщины, падкие до всякого рода слухов, обвиняя Таню во всем. Урод-уродиной, а туда же... Таня не выходила из дома, парень не уезжал из поселка, говорил, что он остался жив благодаря ее письмам и уехать без Тани не может. В конце концов коунрадцы стали свидетелями того, как он почти насильно привел Таню в ЗАГС, зарегистрировался и увез ее в Москву, откуда был родом.

Прошло два года. В поселке умерла старушка, у которой в свое время квартировалась Таня. До самой смерти она тосковала по Тане, словно она была ее родной дочерью. Не прошло и недели после ее похорон, как приехала

Таня со своим мужем. Мы ее сразу и не узнали. Пластическая операция преобразила ее лицо. Рядом с мужем Таня выглядела симпатичной, даже красивой. Они были похожи друг на друга, счастливы в своем браке, и причиной тому была беспредельно большая, чистая любовь.

СМЕРТЬ ДИКТАТОРА

Сенсационным не только в бывшем Советском Союзе, но и во всем мире был день 5 марта 1953 года. Умер тот, по воле которого были арестованы, высланы и уничтожены миллионы невинных людей. Эта весть взволновала город. Многие плакали! Плакали даже те, кто лично пострадал. Я шел по городу с каким-то неизвестным доселе внутренним восторгом в ожидании перемен к лучшему. Около Сильяновского магазина встретил Толю Кравцова, тренера по стрельбе в спортивной секции Балхашского горно-металлургического техникума. Толя был старше меня на несколько лет. Однако мы с ним при встречах всегда находили общий язык и особенно, когда разговор заходил о больших начальниках и вождах. Отец Толи тоже был репрессирован.

– Виктор, пойдем в кафе "Грибки", выпьем за долгожданную новость, – предложил мне Толя.

– Пойдем, – согласился я. Когда мы выпили по первой, Толя еще наполнил бокалы. Я поднял бокал и предложил: "Давай выпьем за усопшего". – Толя протянул бокал, стукнул о мой и добавил шепотом: "Собаке – собачья смерть".

Одно было ясно: если бы этот тост дошел до слуха КГБ, сидеть бы Толе за решеткой по 58 статье, а заодно и мне с ним. Сейчас трудно вспомнить о чем говорили, замелев, мы с Толей, но одно могу уверенно сказать: мы с

Толиком не плакали и не переживали по поводу смерти "Отца народов".

По радио в те дни непрерывно передавалась траурная музыка. Какая-то неопределенная замкнутая атмосфера воцарилась в городе. Люди старались меньше общаться, меньше говорить друг с другом. Некоторые не могли представить, что нет больше Сталина, что Сталин умер. Навсегда. Навечно.

Удивительно было не то, что умер Сталин, поражало то, что советские люди, воспитанные на атеизме, на первичности материи, не могли представить, что Сталин все-таки человек со всеми присущими человеческими слабостями.

В послетраурные дни в школе рабочей молодежи учителя задерживались на переменах. Они, кучкуясь, разговаривали между собой о случившемся. О чем они говорили, было известно только им. Нами, учащимися, было замечено, что все разговоры прекращались, как только к ним подходил директор школы Захарченко.

Захарченко был ярким сталинистом, в политлагерях не сидел, большим количеством извилин в головном мозгу не располагал, и поэтому педсостав, состоящий в основном из бывших политзаключенных, держал его на расстоянии от своих бесед.

На место Сталина Генеральным секретарем избирается Маленков. Пытавшийся захватить власть Берия получил по заслугам. Маленков провел амнистию, правда не для политзаключенных, а для уголовников, дал указания насытить торговые точки мясопродуктами, в связи с чем по стране начался массовый забой скота не только мясного, но и молочного. Холодильники мясокомбинатов были переполнены. Мясо сотнями тонн складывалось штабелями под открытым небом на территории мясокомби-

патов, растаскивалось, портилось, закапывалось. Ущерб, нанесенный в год правления Маленкова поголовью крупного рогатого скота в стране, не могли восстановить долгие годы.

г. Гудермес

НАКАЗАЛ

В 1953 году, после смерти Сталина, возвратился из заключения мой троюродный брат Тамаев Сайд-Ахмад. Он пришел ко мне в гости, и мы сидели, обсуждая разные темы. Отсидел он в Воркуте 5 лет, но осужден был на 20 лет за выезд с места переселения. Таков был указ 1948 года. Оставление места депортации каралось столькими годами каторжных работ. Он был фронтовиком. И считал, что на награжденных боевыми наградами, указ этот не распространяется. Но вышло по-иному. Во время переезда из Караганды во Фрунзе он был арестован.

Сайд-Ахмед пришел ко мне зимой в Набережный поселок, в барак, в котором я жил с семьей. У меня был в то время модный магнитофон "Днепр-5", и мы слушали национальные мелодии. Заходит к нам мой младший брат Умар – двойняшка другого брата Али. Умар отличался от нас обоих отменным здоровьем, крупным телосложением и неиссякаемым оптимизмом. Он не был женат, не пил, не курил, аккуратно исполнял религиозные обряды.

Умар попросил меня написать заявление на имя начальника милиции по факту отключения у него света монтерами. Я сел за стол, приготовил ручку, бумагу, а затем попросил у него что-нибудь подложить. Он подает поднос. Я говорю ему: "Не годится". Умар срывает со стены зеркало, я отвергаю и его. Брат мечется, не знает, что мне

нужно. А Сайд-Ахмад смеется и говорит:

– Что ты там зеркало срываешь со стены? Неужели непонятно, что подложить надо поллитру?

Умар психанул, достал из бумажника купюры в 100 рублей и, недовольный, бросил на стол. Надо сказать, Умар жил с нашей матерью, деньги у него под рукой и всегда держал их при себе. А у нас с Сайд-Ахмадом денег с ними туго, а выпить любили. Вот и на этот раз хотелось распить с ним бутылку вина в честь его рождения...

Заявление я написал. И когда Умар ушел, нам достали большой кусок домашней колбасы, заготовленной на зиму. Сев за стол, выпили по стакану вина, закусили и тем по второму... и разговор пошел о том о сем, и вдруг наказали Умара. Смеемся над ним, который не без денег, но на выпивку не давал нам денег даже в долгие

Вдруг открывается дверь, раздвигаются занавески и заходит Умар. Нехотя здоровается и становится в стороне, пропуская идущих в комнату. "Проходите, проходите" – говорит им. Заходят первый... второй... четвертый. Все пьяные держатся друг за дружку. Умар же шумно присаживается: "Проходите, проходите, рассаживайтесь, будьте как дома... сейчас хозяйка колбасы пожарит для закуски. Еды не хватит, в сарае утки водятся. Гуляйте, веселитесь..."

Он усаживает на стульях и кроватях человек двести. Все лица знакомые, часто встречающиеся в забегаловке. Жена бегает по комнате туда-сюда, не поймет что и зачем. Один достает бутылку, за ним – второй, а третий – беря денег и говорит: "Принеси ящик водки". А Умар все это начинает, стоя у двери: "Будьте как дома, тут для вас будет, я же пойду на молитву".

Сказав это, он ушел. А мы с Сайд-Ахмадом, уже не веселе, не стали выгонять гостей и устроили застолье. Через

иди со стаканом, подаваемая женой закуска тут же по-
шла. Принесли еще выпивки, пошла настоящая пьян-
щина...

Тов Умар наказал нас с Сайд-Ахмадом за свои 25
руб. Он, оказываясь, зашел в забегаловку грузина по
имени "Куна", где с утра до вечера шла торговля водкой и
там, где собирались любители "горячительного", как
сказано, так и приезжие из Коунрада и восточного руд-
ного Бертиса. Оттуда он и привел гостей, среди которых
и мой большой друг из Коунрада Махмуд Катъев, ин-
женер Мурад из Бертиса, Махмуд Мудаев из восточно-
коунрада и другие...

Мы просидели весь день и всю ночь. Некоторые до-
шли до того, что стали втыкать ножи в подушки, а пе-
рестали. Стали резать уток. Вдобавок пропили 160 руб-
лей Сайд-Ахмада и 80 моих. Некоторые, бывало, задрем-
ли ненадолго, а затем, проснувшись, снова брались за
бутылку. Я уже не знаю, как гостей выпроводить. Кое-как
убедил их пойти к другому товарищу... Жена мне зака-
зала петирику.

А Умар, лихо отомстивший нам, наверное, ликовал...

КОРОВА И ВЕДРО

После долгих сетований жены, надо было купить для
себя дойную корову. Увайс, заняв недостающую сумму
денег, наконец-то купил ее. Корова была неприглядная,
молока давала мало, на что жена постоянно жаловалась
мне. Он отвел корову на базар и продал за гораздо мень-
шую сумму, чем купил. На расспросы отвечал, что корова
была малоудойной и ему надоели упреки жены.

На базаре оказался аульчанин Махмади, живущий на
улице Гумса. Он предложил ему свою корову, которая дает

ведро молока. Сделка состоялась. Увайс принял ведро и сказал жене:

• – Вот тебе другая корова, которая дает не меньше, чем первая.

Жена подоила корову один день, два. Но та и третье ведро не дает, даже меньше, чем первая.

Снова пошли жалобы. Тогда Увайс пришел к Махмади домой и сказал:

– Махмади, я тебе заплачу столько же, сколько заплатил за твою корову. Продай мне, пожалуйста, непродаваемое ведро доила твоя жена...

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЧУДАКОВ

В Гудермесе его все знали как зампреда Чудаков. Несколько эпизодов из его чудачеств, я и хочу поведать.

В 1960 году была упразднена школа-интернат. В западной части ее было подсобное хозяйство с десятком гектарами земли, двумя гусеничными тракторами и несколькими постройками. После упразднения, все это было передано Гудермесской средней школе № 2, где я работал мастерскими и учителем труда. Затем землю раздали учителям под огороды, один из тракторов списали на металлолом, а второй я решил восстановить. До выведения я работал трактористом, знал и любил это дело. Но из-за нехватки запчастей, я кое-как отремонтировал трактор. Использовал я его как тягач, возил из ближнего леса дрова для топлива. Остальное время он стоял на улице перед моим домом.

Но однажды уличные мальчишки пообрели на нем все медные трубочки, идущие к форсункам, пооткружили все, что составляло детский интерес. Так он и стоял порывы до времени, ожидая участи первого трактора.

Выхожу однажды на улицу и вижу на тракторе по

... человека. Поздоровавшись, поинтересовался
... . Он отвечает, что приехал из горного аула уст-
... на работу, и его приняли сторожем и поручили
... этот трактор, на котором провел ночь... Когда
... оказалось, что он, не зная, кто есть кто,
... к так называемому "зампреду", дачному сторо-
... Чудакову Увайсу.

— Конечно, конечно, я тебя устрою, — сказал Увайс, —
... сегодня этот трактор, а завтра напишешь заявле-
... на тебя оформим.

Я объяснил незадачливому сторожу, что этот трак-
... никому ненужный, годится разве что на металлолом,
... кто его привел, считается в ауле заместителем пред-
... Чудаков над ним подшутил.

Ранневанный пришелец, скомкав под мышкой свою
... , быстрым шагом направился в сторону дачных
... .

Второй случай. Для обмазки стен дома мне понадо-
... опилки. Взяв два мешка, приезжаю на мотоцикле
... на пилораму. Обеденный перерыв, около пилора-
... рабочие. Один из них Увайс, зам. председателя,
... — Абдурашид, будущий имам мечети. Я присаживаю-
... к ним в ожидании прихода мастера. Говорим о том
... . Между разговором я сказал, что завтра выезжаю в
... по своим делам.

— Слушай, — говорит Увайс, — ты серьезно едешь в
... ?

— Да.

— Привези мне, пожалуйста, если сможешь, одну бан-
... красной краски, чем краснее, тем лучше.

Я удивился его просьбе, но пообещал исполнить его
... .

Слушавший нас Абдурашид, понимающе улыбаясь,

спросил:

– Увайс, для чего тебе нужна красная краска?

– Как для чего? Кучиеву Минкаилу подарю, чтобы не мучился от того, что его помидоры не краснеют раньше других, пусть покрасит.

Кучиев – наш односельчанин, очень хороший человек. Но Увайс избрал именно его для своего очередного юмора. Было время, когда начинали созревать помидоры.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

(без опубликования в печати)

от 16 июля 1956 г.

Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении находящихся на спецпереселении чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей в дальнейшем не вызываются необходимостью, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Снять их с учета спецпереселений и освободить из-под административного надзора.

2. Установить, что снятие ограничений по спецпереселению с лиц, перечисленных в статье первой настоящего Указа, не влечет за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены.

ПУТИ ГЕНОЦИДА

Прошло 54 года с того трагического дня (23 февраля 1944 г.), когда весь чеченский народ был выслан с обжи-

тых земель предков в бескрайние степи Казахстана и Киргизии. Это было по сути началом очередного этапа уничтожения моего народа.

На этот раз Сталин, его окружение и киллер Берия планировали не только лишить чеченцев и ингушей своей Родины, но и уничтожить всю нацию. Тому убедительное свидетельство – упразднение Чечено-Ингушской АССР в 1946 г., физическое истребление, сожжение стариков, женщин, детей в Хайбахе в день выселения, умерщвление в больницах Урус-Мартана и других сел нетранспортабельных больных, искусственное создание условий для возникновения эпидемий среди спецпереселенцев в местах проживания.

На землях вайнахов поселили дагестанцев, осетин, русских, грузин и др. В вечное и безвозмездное пользование им отдали имущество, домашний скот, дома. Одним словом, делалось все, чтобы не было никакой возможности для возвращения чеченцев и ингушей из ссылки. Именно с этой целью исконные земли вайнахов были присоединены к Дагестану, Осетии, Грузии, Ставропольскому краю. Оставшаяся территория была преобразована в Грозненскую область. Она была заселена русскими, в основном демобилизованными фронтовиками.

Уничтожалось все, чтобы не оставалось ничего, что напоминало бы о чеченцах и ингушах. Уничтожались даже надгробные памятники (чурты). Их использовали при строительстве свиноферм, дорог, мостов и домов. Так, при строительстве свинофермы в 1-ом отделении совхоза "Дружба" Гудермесского района были использованы надгробные чурты с двух самых старых кладбищ Гудермеса. А бывший гудермесовец Вениамин Многолет часть фундамента своего дома построил из надгробных чуртов.

Помимо этого были переименованы почти все на-

селенные пункты, носившие исконно национальные имена. Так, Илисхан-юрт стал называться в одночасье Белоречье, Хаьнгаш-юрт – Степное, Мелчухи – Горячий ключ, Шали – Междуречье, Герменчук – Мостовое, Ишхой-юрт – Танты, Гелдыген – Новая жизнь, Цацан-юрт – Октябрьское, Сержень-юрт – Первомайское, Курчалой – Шугарат, Майртуп – Сулебкент, Шуьйта – Советское, Автуры – Новосадовое, Ойсхара – Новогрозненский, Нойбера – Суворовское, Дарго – Цяб-Росо, Беной – Ичичали, Саясан – Ритляб, Цонтарой – Цотаних, Гуни – Таши, Хоси-юрт – Красноармейское, Тазин-Каьлла – Мокьокь, Эна-Каьлла – Беште, Белхате – Шатари, Харачой – Сагада, Чечен-Аул – Калиновка, Эрсиной – Кидиро, Старые Атаги – Предгорное и т.д.

Вайнахский народ противопоставил всему этому огромное желание выжить, сохранить нацию. В этом помогла вера в Аллаха, сила духа, стойкость, единство и взаимопомощь. Всеми строго соблюдались национальные обычаи, традиции и адаты.

г. Гудермес

В ТУ ДАЛЕКУЮ ПОРУ

Есть люди, которые пытаются сеять смуту, используя демократию и обретенную свободу, как это происходит сейчас в Закавказье, как это было в Фергане, Новом Узене и других регионах страны. Поэтому важно отмежеваться от них, проявить благоразумие.

Нет плохих народов, есть отщепенцы. Их мы встречали в разные годы и в разных местах, находясь на положении спецпереселенцев. По секретным директивам сверху внушалось людям, что спецпереселенцы поголовно все предатели и бандиты. В суровой обстановке осо-

бую ценность приобретало бескорыстное, доброе, человеческое отношение к обездоленным со стороны других национальностей. Находились честные, порядочные люди даже среди руководителей. А ведь это могло отрицательно сказаться на их судьбе. Об одном из них, с которым мне приходилось общаться в г. Балхаше Казахской ССР, я и хочу рассказать в своем воспоминании.

Город Балхаш расположен на берегу озера Балхаш. В пятидесятые годы достопримечательностью города был медеплавильный завод (БМЗ), который переплавлял коунрадскую руду. Рядом расположился эвакуированный сюда завод во время войны. Сейчас на их базе создан Балхашский медеплавильный комбинат.

Завод имел свои подсобные хозяйства и отделения в разных районах Прибалхашья. Особой популярностью в городе пользовался магазин № 1. Если домохозяйки спрашивали друг у друга, где покупали тот или иной продукт или промышленный товар, отвечали: "В Сильяновском". Это название стало нарицательным. Директором магазина был Александр Юрьевич Сильянов, еврей по национальности.

Высокого роста, с сильным акцентом, пожилого возраста, он был всегда опрятно одет, вежлив, добр и сдержан. Пользовался всеобщим авторитетом.

Я был в магазине экспедитором. Однажды отец сильно заболел, и я не смог пойти на работу. На другой день мы с Сильяновым пошли к нам домой.

Мы жили в маленьком, тесном домишке. Было нелегко вести Сильянова в такое убогое жилье, где даже сесть негде. Он зашел к отцу, сел на единственную табуретку, сочувственно спрашивая, что и где болит. Они долго разговаривали между собой, оставшись наедине. О чем они говорили, до сих пор осталось для меня тайной. После

ухода Сильянова у отца, несмотря на тяжелый недуг, было хорошее настроение.

Через два дня Сильянов дал мне записку на имя директора совхоза, подписанную начальником продснаба при БМЗ Сергеем Ивановичем Ефимовым, о том, чтобы предъявителю записки выдали дойную корову. Мы наспех сколотили небольшой сарай для коровы. Молоко подняло на ноги обессиленного отца, хватало его и нам.

Должен сказать, что мать очень хорошо готовила калмыцкий чай с молоком.

Часто зазывала женщин-дворничих, угощала их чаем и просила спеть гребенскую. Мать, родившаяся и выросшая в Гребенской, любила русские народные песни. А отец до самой смерти отзывался добрым словом о Сильянове, называя его мужественным человеком.

Мне приходилось слышать, что Сильянов на каком-то вечере, в компании бывших фронтовиков, хвастался тем, что он участвовал в 1918 году в бригаде Котовского, где не раз отличался в боях за Советскую власть. Конечно, никто не принимал всерьез высказывания Сильянова. Трудно было представить пожилого, интеллигентного еврея отчаянным кавалеристом, с шашкой наголо мчавшимся на врага.

Прошли годы. Многое изменилось после смерти Сталина. Я вернулся в Гудермес в 1961 году. Но вскоре вновь выехал в Балхаш, где осталось немало друзей. Кроме того, здесь похоронены мой отец и брат. Первым делом решил отыскать Сильянова.

Дверь открыл бывший рабочий магазина Сашка. Этот хромой, умственно отсталый человек остался верным Александру Юрьевичу и жил с ним в его двухкомнатной квартире. Я зашел в прихожую. На табуретке с худыми втянутыми плечами сидел старый больной человек.

В квартире давно не производилась уборка. На полу валялись окурки, на печке и на столе шкурки от очищенных картофелин, сваренных в мундире. В спальне не убрана постель. Из скомканного теплого одеяла торчали грязные куски ваты. Дверь шифоньера, где когда-то хранилась одежда, в верхней части сорвана с петли. Это все, что осталось от идеально опрятного, всеми уважаемого Александра Юрьевича Сильянова. Он долго всматривался в меня, приподняв голову. Паузу нарушил Сашка: "Юрьевич, это Виктор" (так они звали меня). "Виктор, милый, откуда ты?" Тут же Александр Юрьевич обратился к Сашке:

– Сашка, сходи в магазин, принеси бутылку перцовки.

Сашка тупым взглядом пристально смотрел на Сильянова. Сильянов снова попросил его сходить в магазин. Было ясно, что у них не было денег.

Первоначально мне хотелось отговорить Сильянова от употребления спиртного, но я понял, что единственная радость, которая осталась в жизни Сильянова, это алкоголь. С деньгами у меня было в порядке и я, вручив Сашке две крупные купюры, наказал ему купить бутылку шампанского, водки и побольше закуски. "Сашка, купи перцовку!" – вдогонку умолял Сильянов, – она дешевле".

После ухода Сашки Сильянов тяжелой медленной походкой прошел в спальню, покопался в шифоньере и вернулся в кухню, держа в дрожащих руках орденскую книжку, на которой лежала коробка с боевым орденом Красной Звезды.

– Витя, смотри, никто не верил мне, что я воевал за Советскую власть в бригаде Котовского!

Скупые мужские слезы появились на его глазах. Я открыл коробку, в которой лежал новенький, ни разу не приколотый к одежде, орден Красной Звезды. Развернул

орденскую книжку, на которой четким почерком чернильной тушью было написано:

"Орденом Красной Звезды награжден Сильванов А.Ю. за боевые подвиги при участии в бригаде Котовского в 1918 году".

Подпись "Георгадзе".

Ровно 50 лет прошло с тех пор, как орден нашел своего хозяина.

Вскоре не стало этого благородного и душевного человека, спасшего нас от голодной смерти.

г. Гудермес

НЕБЛАГОНАДЕЖНЫЙ

Наш коллега, учитель физкультуры Гудермесского педучилища Боку Амаев, будучи днем в Грозном, оказался среди митингующих ингушей. Он и рассказал нам о требовании ингушей вернуть им Пригородный район, отторгнутый от Ингушетии после депортации. Слушая Боку, я глубоко и искренне переживал за братьев-ингушей, не имеющих возможности вернуться к родным очагам. Но не стал осуждать своего товарища за то, что он не выступил на митинге в поддержку требования ингушей. Время было такое – могли не простить. И все же я твердо решил поехать в Грозный и выступить в защиту требований, а также высказать и свои претензии к Чечено-Ингушскому обкому КПСС, препятствующему законному возвращению вайнахов на свои земли.

18 января 1973 г., попросив коллегу заменить мои уроки, я поехал в Грозный. Недалеко от центра города я вышел из машины и пешком добрался до площади, где уже третьи сутки митинговали ингуши. Народу было великое

вожество.

Между зданием обкома и митингующими был протянут канат толщиной в человеческую руку, за канатом вцепившись к плечу стояли сотрудники Ростовского МВД, вызванные на подмогу сотрудникам милиции Чечено-Ингушской АССР.

У здания обкома стояли три противопожарные машины и несколько карет "Скорой помощи". На противоположной стороне площади, на эстрадной площадке, на скорую руку сколочена трибуна, на ней – ведущие митинг и сменяющие друг друга ораторы. У подножья трибуны стояли дружинники-ингуши с красными повязками на руках.

Слово попросил и я и стал говорить о том, что ингуши принимали самое активное участие в борьбе за становление Советской власти на Северном Кавказе во время революции и гражданской войны, и поэтому было несправедливым со стороны Советской власти то, что даже после осуждения репрессивной политики Сталина и Берия и возвращения на Кавказ, ингушам, проживающим до выселения в Пригородном районе, не разрешают вернуться в свои селения.

Я открыто сказал, что в Чечено-Ингушском обкоме КПСС работают нечистоплотные люди, в числе которых заведующим административным отделом обкома Калагов. Рассказал и о том, что, будучи заврайзо Гудермесского райисполкома В. Многолет, поделщик Калагова, предложил выломать надмогильные памятники-стелы на кладбищах чеченцев в Гудермесе. Часть из них он использовал для фундамента личного дома, а остальные – для постройки свинофермы в совхозе "Дружба".

Заканчивая выступление, я сказал, что Пригородный район будет рано или поздно возвращен ингушам, что бу-

дут наказаны виновные в уничтожении памятников на чеченских кладбищах.

До вечера находились мы на площади.

Прошел слух о том, что из Москвы прилетел Соломенцев и в здание обкома приглашена на беседу с ним ингушская делегация во главе с Джабраилом Кортоевым и Ахмедом Газиевым. Поздно вечером ингушская делегация вышла из обкома. Поступило сообщение: Соломенцев обещал выехать в Назрань и Орджоникидзе, чтобы разобраться с требованиями митингующих на месте. А остальным было предложено прекратить митинг и разъехаться по домам. Многие решили остаться. Митинг продолжался.

В три часа утра 19 января через мощный громкоговоритель министр внутренних дел Шуть объявил, что к площади подано достаточное количество автобусов. "Предлагаю очистить площадь, — сказал он, — в случае неповиновения, я через 15 минут отдам приказ ввести на площадь войска". И действительно, с помощью пожарных машин, поливавших людей ледяной водой, площадь была очищена. Многие ингуши были избиты и арестованы.

Проведя остаток ночи в Грозном, утром я поехал в Гудермес.

Вскоре в Гудермес приехал член бюро обкома КПСС, председатель обкома профсоюзов ЧИАССР Беляев и провел закрытое партсоборание вместе с первым секретарем Гудермесского горкома КПСС Чайкиным. В повестке дня был один вопрос: "Осуждение преподавателя Г.Х. Локаева по поводу его выступления на сборище ингушей в Грозном 18 января 1973 года". Многие мои коллеги, которых я искренне уважал, осуждали меня как скандального националиста и противника всего советского. Надо отметить, что они были близки к истине. Если бы такую характери-

стику дали мне в 1937 году, не миновать бы мне 10 лет каторги по 58 статье, а может и "вышки".

Такие собрания провели во всех организациях Гудермесского района. Из всех коммунистов-чеченцев открыто в мою защиту выступила одна рабочая завода "Мединструмент" Рукият Салиева. Эта мужественная чеченка сказала:

– Ингуши не виноваты в том, что требуют возвращения им Пригородного района. И не Локаев виноват в том, что в 1958 году в Грозном подняли восстание русские с требованием свержения Никиты Сергеевича Хрущева за то, что он разрешил депортированным народам вернуться домой.

Рукият подверглась гонениям со стороны партийной организации завода и горкома КПСС.

А те, которые особенно рьяно осуждали мое выступление в Грозном, сделали моментальную карьеру. Одного произвели из учителя в директора школы, другого в завучи, третьего из кладовщика в начальника торгового предприятия и т.д.

Однажды, возвратившись домой, я обнаружил свою престарелую мать в состоянии обморока. Оказывается, ее напугал внезапный визит сотрудника Гудермесского РОКГБ. Масло в огонь подлил кто-то из соседей, сказав, что меня арестовали.

В марте месяце на открытом партийном собрании был рассмотрен вопрос о невозможности моей дальнейшей работы учителем по политическим мотивам в связи с выступлением на митинге ингушей. О том, чтобы оставить меня на работе, не было и речи. Вся загвоздка состояла в том, какую статью трудового кодекса применить для увольнения. Наконец остановились на статье 33 пункт 2 "О непригодности к педагогической деятельности". По-

добные статьи обычно применялись при увольнении психически больных преподавателей.

Такая формулировка появилась в моей трудовой книжке 13 марта 1973 года рядом с благодарностью, объявленной мне за отличную педагогическую работу за месяц до моего выступления на митинге.

Не буду говорить о трудностях, выпавших на мою долю безработного. Но более ощутимым был ущерб моральный. Кругом встречал я только осуждающие взгляды. Даже сыну Руслану, на удивление одноклассникам, при положительной характеристике дописали "морально неустойчив, неблагонадежен". Он глубоко переживал это и, возможно, такая несправедливость послужила причиной того, что его болезнь начала прогрессировать, и Руслан стал инвалидом I группы, полностью утратив функции опорно-двигательного аппарата тела. Уже более 20 лет почти все бывшие одноклассники приходят к нему на день рождения или в праздник Рамазан, поддерживая не только морально, но и материально.

С просьбой о восстановлении на работу в педучилище я обратился в обком КПСС. Ответили: "Через газету "Грозненский рабочий" покайся в содеянном и осуди ингушей за несанкционированный митинг с требованием возвращения Пригородного района". На это я никогда не пошел бы. Не помогли и мои обращения к высшим чинам Министерства просвещения СССР.

Потеряв всякую надежду на справедливость со стороны коммунистов, я по объявлению устроился на работу в Чечено-Ингушскую госфилармонию распространителем концертных билетов, где и проработал одиннадцать лет.

г. Гудермес

ОДНА СУДЬБА И ДВА ГЕНОЦИДА

Было начало декабря 1995-го. Телефонный звонок раздался поздно вечером. Я поднял трубку. Услышал голос старшей дочери:

– Папа, завтра в мэрии будут составлять списки тех, кого в 1944 году репрессировали для выдачи им компенсации. Ее будут выплачивать не только высланным, но и родившимся в ссылке. Возьми свой паспорт и пораньше зайди занять очередь.

Я спросил у дочери, откуда у нее такие сведения? Она ответила, что из достоверного источника.

На второй день рано утром, взяв свой паспорт, я пришел в мэрию. В коридоре нельзя было протолкнуться. Люди толпились на улице. На первом этаже в актовом зале бывшего горкома КПСС за длинным столом сидели девушки, которые в спешном порядке составляли списки, аккуратно записывая данные из паспортов. Некоторые приносили паспорта родственников и знакомых, которые тоже хотели попасть в списки. Ходили слухи, что первыми получают компенсационные деньги те, которые запишутся первыми. Давка была кошмарная. О том, чтобы пройти, нечего было и думать. В этой толпе кто-то дернул меня за локоть. Я обернулся. Мой хороший знакомый вывел меня на улицу. Я вышел с ним.

– Слушай, – обратился он ко мне, – неужели ты не догадываешься, что эти списки составляются, чтобы собрать голоса для Завгаева?

– А ты откуда знаешь? (Мне не хотелось терять обещанные 22 миллиона).

– Никакой компенсации за выселение выдавать сейчас не будут, это точно! – сказал он мне, попрощался и затерялся в толпе.

Действительно, осенило меня, ведь на 17 декабря назначены выборы главы Чеченской Республики Завгаева. Я снова протолкнулся в коридор мэрии и обратился к людям с просьбой выслушать меня. Давка не прекратилась, но шум толпы поутих.

– Зря вы давите друг друга, – сказал я, – никаких компенсационных денег выплачивать никто не собирается. Ваши списки нужны для фальсификации выборов в пользу Завгаева. Неужели непонятно, для чего такая спешка, когда до выборов осталось менее 10 дней?

– Если до 17 декабря не выдадут деньги, мы не будем голосовать за Завгаева! – выкрикнул кто-то из толпы.

Человеку было невдомек, что у него и спрашивать не будут, имея его паспортные данные, опустят за него бюллетень, и он будет считаться проголосовавшим за Завгаева.

За несколько дней списки были составлены.

В декабре на центральной площади Гудермеса состоялся митинг. На нем многие говорили о том, что выборы, назначенные на 17 декабря 1995 года, незаконны. Выступил и мэр Гудермеса, который заявил, что он – за проведение выборов. Митинг решили продолжить до 17 декабря, однако на следующий день ситуация в Гудермесе резко изменилась.

14 декабря с утра в Гудермес вошли бойцы Сопротивления, никакого противодействия им оказано не было.

Работники правоохранительных органов покинули здание ГОВД и разошлись по домам. Горожане также начали уходить из Гудермеса по селам.

Снайперы из комендатуры российских войск, расположившиеся в педучилище и его общежитии, вели огонь вдоль трассы Ростов-Баку. Часть боевиков находилась в больнице за р. Белкой, другие – во 2-й и 7-й школах.

15 декабря по Гудермесу начала наносить ракетно-

бомбовые удары российская авиация, а город беспрестанно обстреливается из крупнокалиберных орудий с хребта южной и западной окраины. За р. Белкой около больницы горят дома, от снарядов рушится кирпичный забор больницы. Люди мечутся в поисках подвалов и укрытий, массовое убийство мирных жителей, в том числе и русских, происходит по вине Ельцина, Грачева и Завгаева.

Ни на один час не прекращалась стрельба. 18 декабря 1995 года люди двинулись в Иласхан-юрт и дальше.

Усадив сына Руслана в инвалидную коляску, я вместе с женой и племянником Анзором решил уйти из-под обстрела в Иласхан-юрт. Однако на окраине города сказали, что российские снайперы-наемники обстреливают балку около кладбища, через которую проходит дорога в Иласхан-юрт, и мы вернулись домой. Ночь провели в узком холодном подвале. До утра через нас со свистом летали орудийные снаряды. Руслан, инвалид первой группы, от напряжения и переживания стал совершенно неподвижным. За всю ночь никто не сомкнул глаз.

Утром решили уходить из Гудермеса. Вчетвером с трудом первым вытащили Руслана из подвала, усадили на инвалидную коляску, под обстрелом вновь вышли на окраину Гудермеса и двинулись в сторону Иласхан-юрта, Курчалоя и других сел.

В эти трагические для Гудермеса дни в полную меру проявилась дружба, солидарность, единение и мужество чеченцев. Никого не интересовало, кто ты: "дудаевец" или "оппозиционер". Все помогали друг другу, чем могли.

Не доходя до балки, около кладбища, один молодой человек надел на палку белый платок. Жена Залпа, идущая со мной рядом с тяжелой сумкой на плече, накинулась на него: "Не стыдно тебе идти с белым флажком, разве ты не мужчина? Детям хоть отдай!" Молодому челове-

ку действительно стало неудобно, он тут же попробовал оправдаться, но, признав свое малодушие, передал флажок какой-то девочке и начал усердно помогать мне толкать коляску с Русланом.

У спуска в балку, прижавшись к обрыву, стояла группа женщин и детей. Они сказали, что дорога через балку простреливается. Я все же решил идти. Рассчитывал на то, что не будут стрелять по инвалиду в коляске. Женщины и дети пошли гурьбой за мной. Скользя по утоптанной снежной дороге, мы начали спускаться в балку. Слева, на хребте горы, где была расположена воинская часть российских наемников, сел один вертолет. Лопастей его вращались. Второй опускался, чтобы сесть с ним рядом.

Толкая коляску, я вышел на простреливаемый участок дороги. Российские солдаты находились в метрах 500 от дороги. Оттуда, видно, вели обстрелы дороги их снайперы.

Жена, шедшая справа от меня, показала самоходное орудие крупного калибра, стоящее за рекой Гумс, сказав, что, вероятно, это орудие стреляет по Гудермесу. В этот момент несколько пуль ударились буквально в нескольких сантиметрах от колес инвалидной коляски. Я не успел даже испугаться. Охватило полное безразличие и к тому, что пули несли, и к тому, что стреляли с явным желанием убивать и женщин, и детей, и инвалидов.

Толкая коляску, я снова глянул в сторону орудия, стрелявшего по Гудермесу.

Вдруг прямо на глазах самоходное орудие взорвалось. Оба вертолета поднялись и над нашими головами пролетели к взорвавшемуся орудию. В этот момент на какой-то миг прекратили огонь по беженцам, и мы без потерь миновали простреливаемый участок дороги в центре балки.

Около кладбища нас встретили илсханюртовцы,

которые вывозили беженцев в Иласхан-юрт и дальше – в Курчалой, Майртуп и другие села.

Я с Русланом и женой остановился в Иласхан-юрте у своего знакомого Паши. Паша обладал добродушным, отзывчивым характером и удивительно острым умом. Не зная ни в чем нужды, мы провели в его доме почти полмесяца, пока не прекратился обстрел Гудермеса, после чего вернулись домой.

г. Гудермес

КУНАКИ

Лето, 1970 год. В одном из колхозов Саратовской области Дом культуры заполнен односельчанами-колхозниками. Отдельно сгруппировавшись, сидят, отличные от местных не только одеждой, но и кавказской внешностью, человек двенадцать.

Это чеченская бригада строителей, приехавшая из горного села Центорой Чечено-Ингушетии на заработки.

На сцене за столом, покрытым красной материей, председатель, парторг колхоза и начальник районного отдела милиции. Обстановка в зале напряженная. Дело в том, что вчера вечером около Дома культуры между молодыми ребятами-чеченцами, работающими на строительстве колхозного коровника, и местными русскими ребятами произошла драка. Сейчас трудно сказать, отчего все началось. Возможно, столкнулись различные взгляды и черты в характерах, так остро воспринимаемые в молодости.

Шла разборка. Сменяя один другого, выступали местные жители, обвиняя чеченцев. Требовали выселения их из колхоза и привлечения к уголовной ответственности.

– Да их, нехристей, не зря Сталин выслал, – закричала одна из колхозниц в заднем ряду.

Лица ребят-чеченцев стали багровыми.

– Ведите себя спокойно, не говорите им ничего, тихо успокаивал чеченцев старший по возрасту пожилой чеченец. Зал Дома культуры все больше накалялся, все больше настраиваясь против чеченцев.

В это время с первого ряда поднялся один старик. Тяжелой старческой походкой прошел он на сцену. Одной морщинистой рукой оперся на палку, другую поднял. Возбужденные колхозники постепенно успокоились. Иван Тимофеевич пользовался общим уважением у односельчан. Когда в зале стихло, Иван Тимофеевич сел на поднесенный ему стул и начал свой рассказ.

– В 1930 году свирепый голод разразился в Поволжье. Люди от голода вымирали семьями. Я вместе с женой Марьей, похоронив своего первенца на родине, с другими односельчанами, спасаясь от голода, выехал на Кавказ. Грязные от паровозной копоти, опухшие от голода, добрались мы до станции Гудермес. Пришли на базар, который находился недалеко от вокзала. А на базаре таких, как мы, бездомных, было много. Были и с Кубани. Одни просто бродили в поисках пищи. Другие приспособились торговать водой. Носят воду в ведрах и в чайниках, и беспрестанно раздаются крики: "Кому воды свежей, холодной? Воды! Воды!" Кружкой черпают воду из ведра и продают по пятаку. Чеченцы, обутые в самодельные нелар-мачаш³, туго подпоясанные серебряными поясами, на которых висят кинжалы, торгуют фруктами, привезенными из горных аулов на арбах. Тут же торгуют тонкими пышками местные чеченки.

³ Нелар-мачаш – самодельная кожаная обувь.

В винном ряду стоят трехлитровые бутылки с червленскими винами. Здесь торгуют в основном казаки из Червленской и местные из Кундухова. Мы с Марьей прошли мимо винного ряда – все-таки казачки, свои славяне, но торговки при виде нас подальше убирали стаканы с винным для пробы вином... Денег не было. Голод ощущался все сильнее.

Около арбы, с которой торговали грушами и яблоками, нашли надкушенную грушу. Съели ее, по очереди откусывая. Больше в этот день мы с Марьей ничего не ели. Вечером тут же, около базара, остались ночевать, прибившись к таким же голодным, к таким же бездомным, приехавшим из России.

Здесь я узнал, что у местных чеченцев можно найти работу за еду, в основном состоящую из чурека и калмыцкого чая. За эту еду рубили дрова, пололи огороды, изготавливали саман и т.д. Найти работу даже на таких условиях в ауле Гудермес оказалось невозможно, так как чеченцы здесь сами вели полуголодное существование. Вся надежда на кукурузу, которая должна вскоре созреть.

Мы с женой отправились в поисках работы пешком в сторону Курчалоя. Дойдя до Курчалоя, разошлись по разным улочкам аула. Когда мы с Марьей оказались на краю аула Курчалой, нам встретился чеченец преклонного возраста, который обратился к нам на ломаном русском языке: "Эй, русски, работа надо? Иди туда, другой аул, там работа нада". Мы с Марьей вышли на дорогу, ведущую в Майртуп. Обеденная жара загнала жителей Майртупа в сакли с турлучными стенами. Мы дошли до середины аула, не встретив почти никого.

– Ваня, я больше не могу идти. Марья присела под ореховое дерево около плетня, за которым росла высокая кукуруза с початками молочной спелости.

Оставшись около жены, я заметил узкую тропинку, уходящую через плетень в огород с высокой кукурузой.

– Марья, пойдем, – я подал руку, помог подняться жене, и мы вскоре очутились среди густой кукурузы с початками.

Чувство боязни отступило на задний план перед острым голодом. Я с треском отломал несколько початков, очистил; подал жене, начал есть сам. Где-то во дворе залаяла собака, кто-то на гортанном чеченском языке прикрикнул на собаку, и буквально через минуту перед нами, вконец растерянными, появился чеченец средних лет – хозяин дома.

– Ви чо далайт тут? – обратился он к нам. Увидев на земле недоеденные сырые початки кукурузы, произнес уже мягче: "Пойдом".

Марью охватил озноб. Глаза ее не могли оторваться от черного кинжала, висевшего за поясом чеченца, хотя сам хозяин кинжала давно забыл о своем оружии. Зайдя в комнату, чеченец сел на деревянные нары, крикнул свою жену, что-то сказал ей по-чеченски и умолк в ожидании, разглядывая нас, стоявших у дверей.

Вскоре пришла хозяйка дома с кувшином воды, черпаком и одеждой. Хозяин указал на одежду, кувшин с водой: – Эй, бери, иди кукуруза. Купайс, одевайс, пирходи.

Сначала мы не могли понять, чего от нас хотят. Хозяйка жестами стала объяснять Марье, что делать. Женщины быстро поняли друг друга.

Пришедшая в себя Марья взяла одежду: "Ваня, бери кувшин, пойдем". Во дворе собаки не было. Ее предварительно закрыла в сарае хозяйка дома. Мы с женой прошли за постройки, нашли укромное место, вымылись, переоделись, посмотрели друг на друга и, не удержавшись, захохотали. Длинное широкое платье до земли висело на хруп-

них худых плечах Марии. Неумело завязанные учкуры на моих штанах-галифе тоже почти доставали до земли.

Догадавшись, я засунул учкуры в штаны. Наконец успокоились мы и пошли в саклю. На нарах была постелена небольшая скатерть, на ней чурек, чай и берам.

Ибрагим – так звали хозяина – указал рукой на нары: – Садис, кушай!

Прошло несколько дней. Мы с женой жили в маленькой комнатушке, расположенной в старой сакле, где до постройки новой жил со своей семьей Ибрагим. Жена Ибрагима научила Марью готовить мамалыгу из кукурузной муки, приносила простоквашу и горячий чурек из кукурузной муки. Однажды к нам в саклю пришли несколько односельчан Ибрагима и предложили нам наняться к ним в пастухи, пасти аульский скот вместе с женой.

Заманчивое было предложение. Обещали платить и кукурузной мукой и деньгами. Но я решил посоветоваться с Ибрагимом. Ибрагим решительно отверг мое желание пойти в пастухи.

– Нет, – сказал Ибрагим, – в нашем роду никогда не было пастухов, а ты, Иван, мой гость, мой кунак. Ты тоже не пойдешь в пастухи.

У чеченцев до сих пор считается самым позорным пасти стадо своих односельчан. Пасти стадо совхоза или колхоза считается не зазорным, но, упаси Бог, если в твоём роду даже предок пас стадо, принадлежавшее аульчанам, хотя за выпас индивидуального скота платили во много раз больше, чем за выпас государственного скота. Поэтому пастухов для индивидуального стада нанимали со стороны.

... Я как-то застал Ибрагима за шитьем нелар-мачаш. Ибрагим протыкал шилом сложенную вдвое, грубо отделанную сыромятную буйволиную кожу, вытаскивал шило

и в образовавшееся отверстие засовывал согнутую вдвое проволоку, на конце которой был прикреплен прочный шнур, вырезанный из этой же шкуры.

Посмотрев, как неуклюже шьет Ибрагим, я попросил дать мне пошить неАр-мачаш. Будучи дома, в Саратовской области, я у своего деда научился подшивать подошвы к валенкам. Я изготовил специальное шило и довольно быстро справился с неАр-мачаш Ибрагима.

Обувь получилась отменная. Шов был ровный и сшит плотно, даже вода не проходила. Ибрагим, показывая односельчанам, сшитые русским кунаком неАр-мачаш, неустанно хвалил мою профессиональность.

Сперва соседи, а потом и односельчане начали носить на ремонт ко мне разную обувь. Ибрагим одобрял работу сапожника. Жизнь входила в нормальную колею. Марья целый день возилась с телкой, подаренной кунаком, помогала жене Ибрагима по хозяйству, а я сапожничал. Рассчитывались со мной кукурузой, которая уже созрела, молоком, куриными яйцами и деньгами.

Начало войны с Германией в 1941 году я застал уже довольно зажиточным. В доме росли двое сыновей, которые свободно разговаривали на чеченском языке. Они помогали матери ухаживать за коровами и телятами, приплодом от той телки, подаренной в свое время Ибрагимом.

В 1942 году, когда немецкие войска подошли к границам Чечено-Ингушетии, Майртуп пополнился чеченскими семьями, эвакуированными из Гудермеса, которые вновь вернулись в Гудермес, как только немецкие войска начали отступление.

... Непредвиденным и трагичным было утро 23 февраля 1944 года для Чечено-Ингушетии. Ясная хорошая погода, предшествующая этому дню, сменилась скверной

ночью. Утром шел мелкий сырой снег. Военские части заполнили Майртуп, людей грузили на грузовые машины и вывозили на железную дорогу, набивали в старые товарные вагоны и отправляли в неизвестность. В ауле стоял кошмарный гул от плача детей и женщин, воя собак, мычания коров и окриков солдат.

Ко мне зашел офицер вместе с двумя солдатами, проверял документы, спросил, как бы вскользь, почему не на фронте. Ушел. Некогда было выяснять.

Ибрагима рано утром вызвали в контору колхоза, откуда он больше не вернулся. Жену и детей погрузили на машину, запретив брать с собой вещей более 100 килограммов. "Студебеккер" уже тронулся, когда я забросил через борт окнунок с кукурузой. Жена Ибрагима сквозь плач кричала: – Иван, живи наш дом! Иван, живи наш дом! Мы скоро приедем!

Железная дорога от Чечено-Ингушетии до Казахстана и Киргизии была усеяна трупами чеченцев и ингушей, стариков, женщин и детей, которых кое-как закапывали около железнодорожного полотна. Чем ближе к Казахстану и Киргизии, тем гуще это своеобразное безымянное кладбище протяженностью много тысяч километров, являющееся результатом сталинско-бериевского геноцида над невинным чечено-ингушским народом.

К концу 1944 года в большой семье Ибрагима осталось трое – жена и старшая дочь. Четырех детей похоронил Ибрагим в течение одного года. Одного за другим скопил их брюшной тиф в союзе с холодом и голодом. С чувством жалости и горя смотрел Ибрагим на оставшихся в живых жену и дочь, осунувшихся от недоедания и непосильного труда в колхозе. Безысходность заставила его написать письмо на Кавказ, мне, Ивану. Письмо было предельно короткое. Ибрагим просил меня поискать в доме

какую-нибудь одежду для жены и дочери и прислать посылкой, о еде — ни слова, хотя она была сейчас главным для выживания. Как ни странно, письмо Ибрагима я получил, и тут же, не откладывая, Марья начала готовить меня в далекую Киргизию.

На базаре в Хасав-Юрте я купил два больших сушеных бараньих курдюка, сушеного мяса, грецких орехов и пчелиного меда. Марья приготовила кукурузной муки, чеснок, отрезки на платья, рубашку для Ибрагима. Все это сложила в большой рюкзак и фанерный чемодан, и я выехал из Гудермеса в далекую Киргизию. Всю дорогу в поезде я никому не открывался, что еду к своему кунаку-чеченцу. Это вызвало бы всеобщее осуждение, так как само слово чеченец стало в ту пору синонимом отверженности, прокаженности, чего-то антикоммунистического, антисоветского.

В поселок, где проживал с семьей Ибрагим, я приехал на попутной колхозной полуторке. Водитель показал на длинный барак, где проживали чеченцы. С чемоданом и рюкзаком за плечами я подошел к бараку. Первый встречный чеченец долго всматривался в меня и, наконец, узнал. Удивленно вскрикнул: — Иван, ты откуда? — и побежал сообщить радостную весть Ибрагиму.

Я вошел в комнату, где проживало несколько семей. Больной Ибрагим, лежавший на нарах, поднялся, простер исхудавшие руки ко мне, обнял меня и долго держал в объятиях, украдкой стараясь удержать набегавшие скупые слезы. Если бы сказали раньше, я никогда бы не поверил, что в течение одного года человек может так сильно похудеть, измениться. Жену Ибрагима и дочь также трудно было узнать. Кожа, кости, да большие черные глаза и острый нос. За все время, прошедшее со дня выселения, в этот вечер был первый настоящий праздник в бараке, где жили майтупцы. Жена Ибрагима сварила целый курдюк, сделала

много кукурузных галушек, угощала всех.

На третий день почти все майртупцы, проживающие в поселке, провожали меня до самой станции. Провожаемый грустными взглядами оставшихся на чужбине чеченцев, уезжал я на их родину, по которой они болели неизлечимой и самой тяжелой болезнью – ностальгией, их преданный кунак, когда-то спасенными от голодной смерти.

... Иван Тимофеевич закончил рассказ, опустил голову на палку. Наступила пауза. Казалось, в зале никого нет. Все сидели, глубоко задумавшись. Некоторые вытирали влажные глаза.

Первым нарушил тишину председатель колхоза. Он поднялся из-за накрытого красной материей стола, поблагодарил Ивана Тимофеевича за интересный рассказ и обратился в зал:

– Товарищи колхозники, какое решение примем в отношении чеченцев из бригады строителей?

Зал продолжал молчать.

Снова поднялся Иван Тимофеевич:

– Дорогие односельчане, – начал он, – у чеченцев есть хороший обычай. Враждующие стороны во время примирения обнимаются и становятся навечно верными друзьями.

Пусть участвовавшие в драке, как русские, так и чеченцы, выйдут на сцену, обнимутся и станут друзьями.

Зал, молчавший до сих пор, дружно зааплодировал. Аплодировал, не переставая до тех пор, пока участники драки не вышли на сцену и не стали обниматься. После просмотра художественного фильма, который по этому случаю демонстрировали бесплатно, колхозники расходились по домам с чувством исполненного благородного долга.

Вместо эпилога

В течение 10 лет по просьбе колхозников бригады чеченцев из Центороя выезжала на заработки в колхоз, где проживал Иван Тимофеевич.

ШТУЧКИ

Осенью 1962 года я поехал в Ножай-Юртовский район для организации спектакля Чечено-Ингушского драмтеатра имени Ханпаши Нурадилова. Прибыв в аул Центорой, договорился с председателем колхоза и завклубом о том, что завтра приедем со спектаклем "Марнана". Приехав в Грозный, я сделал заявку на автобус и сообщил артистам, что завтра состоится спектакль в 7 часов вечера в ауле Центорой Ножай-Юртовского района. Выезд из Грозного я назначил на 16 часов.

Была глубокая осень. Я договорился с председателем колхоза о том, что он, в случае дождя, к подъему около Центороя пришлет трактор, чтобы вытащить на подъем автобус с артистами. К 18-ти часам подъехали к Центорой. Начал накрапывать мелкий дождь. По скользкой дороге подняться автобусом в гору без помощи трактора было невозможно. Трактора в условленном месте не оказалось. Это послужило поводом для ссоры между артистами.

Чтобы читатель мог представить себе повседневную закулисную жизнь артистов, необходимо сделать небольшое отступление и кратко рассказать о взаимоотношениях артистов. Я имею в виду настоящих артистов, всецело принадлежащих искусству. Ссора между ними может возникнуть по любому пустяку. Высказав сегодня друг другу все, что заблагорассудится, завтра они будут сердечно обниматься при первой же встрече.

Так было и сегодня. По крыше автобуса стучал осенний морозящий дождь. Проехать до Центороя было невозможно: дороги размыло, трактор вовремя не пришел, день сменился ночью, да еще кто-то из артистов сел не на свое место.

Рядом со мной на переднем сиденье – корифей сцены, заслуженный артист РСФСР Яраги Зубайраев. Мы с Зубайраевым пытались утихомирить кричащих друг на друга артистов. Особой причины буянить у артистов не было. Дождь нас не мочил, от голода мы не умирали, так как у каждой артистки с собой была хозяйственная сумка, в которой кроме деталей реквизита были конфеты, печенье, пирожки и всякая-всячина съестного. В конце концов, мы имели возможность развернуть автобус и вернуться в Грозный, к уюту и теплу. Однако перебранка продолжалась на высоких тонах, и призывы прекратить скандал оставались гласом вопиющего в пустыне. Из-за шума спорящих мы не сразу услышали стук в стекло входной двери. Открыв дверь автобуса, увидели мокрого человека небольшого роста в старой фуражке сталинского типа, сдвинутой на правый глаз, который спросил на чеченском языке: "Хей! И артисташ боху хлумнаш шу юй?" ("Эй, это вы, штучки, называемые артистами?")

Брошенные незнакомцем слова были пронизаны глубоким сарказмом и были оскорбительны для артистов. Если бы эти слова были сказаны в другом месте и при других обстоятельствах, незнакомца, наверняка, измолотили бы. Тем более, что среди нас были ребята, недавно закончившие Ленинградский театральный институт, занимавшиеся разными видами спорта. Но в автобусе сидели любители острого слова и поэтому к сказанному отнеслись снисходительно и прощающе. "Правильно ты сказал о нас, – ответил Зубайраев, – заходи к нам".

Он пригласил его, широко открыв дверь автобуса. "Нет, — ответил незнакомец, — я иду в соседнее село на вечеринку, а такие, как вы, штучки, как мухи, кружатся возле клуба в Центорое, ждут вас". И, не обращая больше на нас никакого внимания, зашагал во тьму, издавая чавкающие звуки огромными кирзовыми сапогами по хлюпающей грязи. Яраги долго глядел во тьму в сторону уходившего от нас незнакомца и, наконец, произнес: "Это был не человек, а огромное сердце".

Вскоре пришел трактор, который взял автобус на буксир и потащил до самого Центороя. Внутри клуба и около него на улице действительно было много людей, пришедших на спектакль "Марнана". Он состоялся. Зрители остались довольны. Возвращаясь в Грозный, артисты уже не спорили между собой.

г. Гудермес

НАНАШ

Впервые увидел его еще до войны на конференции инвалидов Гудермесского района во время выборов председателя местного Общества инвалидов. Паренек, ковыляя, дошел до крайнего сиденья и буквально плюхнулся на него. В левой руке скрюченными пальцами он держал палку, на которую опирался во время ходьбы. Худощавый, с неестественно опущенным одним плечом, он сидел, периодически непроизвольно вскидывая вправо-вверх голову с постоянно искаженным судорогой лицом.

По всему было видно, что парень страдает одной из неизлечимых форм селингомелии. На него обращали внимание сидящие в зале, так как почти все были здесь инвалидами разных групп — кто без ног, кто с атрофированной рукой и другими неизлечимыми недугами.

* * *

Во время обсуждения кандидата в председатели Общества инвалидов Нанаш, так звали этого парня, полу-согнуто поднялся и, опираясь на спинку переднего сиденья, попытался что-то сказать.

Не каждый мог понять его нечленораздельную речь. За столом председательствующего попытались сделать вид, что стараются выслушать и понять его, но Нанаш, уставший от попыток донести до окружающих свои сокровенные мысли, опустил на сиденье и замолчал.

* * *

Война огромной державы с маленькой Республикой Ичкерия, преподносимая средствами массовой информации России, как наведение "конституционного порядка" и "внутрироссийский" конфликт, была в разгаре. Блицкриг, обещанный министром обороны России Грачевым, провалился с треском.

Огромное количество бронетехники и солдат-наемников со всей России были стянуты в Грозный для подавления свободы чеченского народа. Самая современная российская авиация – от самолетов-штурмовиков до военных вертолетов непрерывно наносили ракетно-бомбовые удары не только по жилым домам Грозного, но и по мирным аулам и селам Чечни, не имевшим стратегического значения.

Убивали стариков, женщин, детей и не только чеченцев, но и русских, проживающих в Грозном вместе с чеченцами. Чеченские ребята – ополченцы со всех аулов приезжали в Грозный и оказывали врагу достойный отпор.

... Нанаш тяжелой походкой прошел по рядам базара у "Горгаза" в Гудермесе. Он нашел знакомых девушек, ко-

торые любили слегка подшучивать над ним. Спросил, где та, которая особенно запала ему в душу. Ее сегодня не было. Нанаш сказал подружкам возлюбленной, что он едет в Грозный на войну с захватчиками, и пусть передадут ей, что он вернется и женится на ней.

Девушки, улыбаясь, внимательно слушали парня, только они понимали труднодоступный язык Нанаша. Но от этого сообщения безудержно захохотали, повторяя: "Нанаш на войну едет!"

Нанаш не обиделся, Он привык к тому, что его редко кто понимает. Он стал еще более серьезным и тоном, не допускающим возражения, повторял, что едет на войну, и после возвращения возьмет их подружку замуж.

Нанаш, осознавая, что выполняет важное дело, направился к трассе Баку – Ростов на автобусную остановку.

Маршрутные автобусы уже не ходили. Изредка проходили автобусы с ополченцами.

Нанаш сел в один из автобусов, пристроился на заднем сиденье и покатил в Грозный, откуда доносилась непрерывная канонада.

Автобус остановился, не доезжая до центра Грозного. В центре шел бой. Ополченцы сошли с автобуса и разошлись группами занимать боевые позиции.

Нанаш почти последним вышел из автобуса, постоял немного и направился к центру города.

Ополченцы, приехавшие с Нанашем, заняв позиции, завязали бой. Нанаша они заметили только тогда, когда он, перебравшись через нейтральную зону, с камнем в правой руке пошел прямо по середине мостовой навстречу движущемуся вражескому танку. Увидев ковыляющего инвалида, идущего неестественной походкой прямо на него, танкист опешил, растерялся и свернул чуть вправо. Нанаш остановился, оперся на палку, вскинул голову и внят-

но крикнул: "Аллаху Акбар!". И что есть силы швырнул камень в танк, когда тот поравнялся с ним. Прогремела пулеметная очередь. Секунду стоял Нанаш со сжатым кулаком, а потом рухнул на асфальт.

Девушка, пленившая сердце Нанаша! Как бы не сложилась твоя судьба, знай: Нанаш отдал жизнь за тебя, за твой и свой народ, за наше будущее. Дала глазот кьобал-дойла цуьнан!

г. Гудермес

В НАШИХ СИЛАХ – МНОГОЕ

Недавно в разговоре с одним специалистом сельского хозяйства – нашим с вами соплеменником – я натолкнулся на стену непонимания и протеста. Я тогда высказал мысль о том, что Чеченская Республика в состоянии прокормиться самостоятельно, имея численность населения даже в несколько раз превышающую сегодняшний уровень. Мой собеседник стоял на том, что без помощи других государств мы все просто-напросто умрем с голоду.

Абсурдность такого заявления мне хочется подтвердить, исходя из личного жизненного опыта и наблюдения за семь десятков прожитых мною лет, а также на примерах многих стран и народов.

Еще до возвращения из высылки в Казахстане мне довелось общаться с китайцем, отсидевшем в лагере для политзаключенных за переход советской границы. Я в проникновенных тонах рассказал ему про свою Родину – Нохчийчоь, по которой все 13 лет проживания на чужбине тосковал и болел самой острой формой ностальгии. Китаец же в свою очередь не менее вдохновенно рассказывал о Китае.

Именно от него я узнал, как в густонаселенных городах восточной страны люди выживают, приспосабливаются и добывают себе пропитание.

Шанхай – город перенаселенный. Он расположен на берегу реки Шанхай. Некоторые жители города ранней весной отправляются в верховья реки, в леса. Там сооружают большие плоты, засыпают их поверхность плодородной лесной почвой, и засеивают рисом. Влажность достаточная, ведь плот на воде, да и солнца на реке полно, а это вкупе способствует быстрому росту риса. Здесь же на плотках из дерева строят хижины, где труженики и живут до полного вызревания риса.

Плоты, спускаясь вниз по течению, время от времени швартуются к берегам. Выходя на берег, китайцы собирают в лесу ягоды, плоды, лекарственные травы и корни, которые высушивают на солнце. Когда рис созревает, а на плоту оказывается весомый запас ягод, фруктов и трав, китайские труженики возвращаются в Шанхай.

Рисовая солома закупается мастерами для изготовления соломенных шляпок. Лесная земля скупается садоводами. За лес платят строители, мебельщики, сушеные плоды, травы и корни продают на шанхайском рынке в течение всего года или оптом сдают на фармацевтические предприятия. В конце концов, семья шанхайского труженика живет до следующей весны, не испытывая нужды.

Все это, безусловно, достигается путем упорного, самоотверженного труда. И разве это не может являться примером для подражания?

ГАСТРОЛИ

Старый-старый, донельзя изношенный автомобиль марки "Запорожец", по техническому состоянию родной

рат "Антилопы-Гну" из "Золотого теленка" Ильфа и Петрова, через 2 часа после выезда из Грозного лихо подъехал к Гудермесу, что в 38 км от Чечено-Ингушской госфилармонии.

Читатель, вероятно, догадался, что пассажирами этого средства передвижения, а не роскоши, были всего-навсего восходящие звезды эстрады и сцены.

На переднем сидении рядом с водителем собственного "Запорожца" и администратором госфилармонии, то есть со мной, грузно восседал, подобно Моргунову в кинофильме "Кавказская пленница", вечно улыбающийся, довольный всем и вся, восходящая звезда эстрады Усманов Имран. Казалось, вечно сияющая на лице улыбка и отличала его от постоянно мрачного Моргунова. Имран обладал не только красивым голосом вокалиста, но и крепким телосложением и недюжинной силой. Поэтому первое сиденье автомобиля закрепили за ним.

На задних сиденьях сидели, с одной стороны, художавый, умно-хитроватый, полный юмора, самобытно талантливый актер театра Джамалов Имран. Узкий галстук и аккуратно поглаженная рубашка выдавали в нем интеллигента, знающего себе цену; с другой стороны – Джандаров Муса.

Об этом актере можно рассказывать бесконечно много. Джандаров Муса внешне походил на всем известного в Чечне и Ингушетии талантливого актера комического жанра Дениева Альви, больше известного под именем сыгранного им комического персонажа "Сутарби" из классической комедии Абдуллы Хамидова "Бож-Али". Джандаров Муса отличался от Сутарби тем, что на его лице постоянно присутствовала простодушная, хитроватая улыбка, а голубые глаза смеялись даже тогда, когда исчезала улыбка на лице.

Как было сказано выше, более двух часов потребовалось нам, чтобы заехать ко мне домой в Гудермес, а нам предстояло преодолеть еще более 60 км до Ножай-Юрта. Цель поездки была предельно банальна. Будучи в отпусках мы решили заработать немного на левых концертах.

Солнце склонилось к горизонту, когда наш расквашенный "Запорожец" заехал в Ножай-Юрт. На ночь переночевали в доме Усманова Имана, где я познакомился с его отцом Чингизом – он же Герман. Отец Имана, долгое время отсидевший в сталинских лагерях, принял нас необычайно гостеприимно. Он, несмотря на долгие годы ссылки по лагерям для заключенных, не потерял доброты, широты, веселость характера и острый юмор. Из его воспоминаний о своем жизненном пути можно было бы составить необыкновенную книгу юмора. Таков был отец Имана, общение с которым всегда доставляло радость.

На другое утро я договорился с заведующим отделом культуры Даудовым Султаном об проведении концертов в Ножай-Юртовском районе. Устроились жить в интернате.

Усманова Имана мы прозвали "Стартером", так как ему часто приходилось толкать машину для того, чтобы завести. Стартер в машине вообще отсутствовал, а заводить "Запорожец" рукояткой – несбыточная мечта, тем более такой старый, где все детали и механизмы работали на честном слове.

Иман часто оставался в общежитии с ребятами до утра, хотя отцовский дом был в Ножай-Юрте. Однажды в разговоре я предрек Иману известность и большую популярность артиста в будущем. Ему это понравилось, и он обещал, когда он будет популярным, а я состарюсь, то лично приедет за мной и пригласит на свой концерт. После этого разговора состоялся концерт в Ножай-юртовском

промкомбинате, а я пригласил на концерт отца Имрана, который мне очень понравился за его остроумие и веселый характер, присущий бывалому человеку.

Чингиз, то есть отец Имрана, до блеска начистил мягкие сапоги и прошел на концерт, где участвовал его сын. Однако Имран выпроводил отца из зала. Я попытался уговорить Имрана оставить отца на концерте, но он категорически отказался петь при нем. То ли стеснялся, то ли другая была причина. Я же вечером вызвал Имрана к себе и заявил ему, что даже в том случае если он станет мировой знаменитостью, меня пусть не приглашает на свой концерт, я не приду, так как он не стал петь при родном отце.

Однажды проходил концерт в ауле, расположенном недалеко от Ножай-Юрта, Балан-су. Жители этого небольшого аула отличаются от жителей других аулов Ножай-Юртовского района эрудированностью, талантом и юмором, а также чистотою взаимоотношений. Концерт состоялся в маленьком клубе, где глинобитная сцена не более 30-40 сантиметров от зрительного зала. Зал был битком набит жителями аула. Старшие сидели в передних рядах. Джандаровым и Джамаловым разыгрывалась комедийная сценка про бюрократа Балдуева.

Вся декорация разыгрываемого сценария состоит из стола и стула, на столе стоит телефон. Входит хозяин кабинета Балдуев с портфелем в руках, которого играл Джандаров, грузно садится за стол на единственный стул. Звонит по телефону, вызывает единственного подчиненного слесаря-сантехника. Входит подчиненный, худощавый слесарь с полотенцем на плече, которого играет Джамалов, становится в подобострастную позу, боязливо глядит на надувшегося, как индюк, начальника. Выждав паузу, говорит:

— Я пришел, товарищ Балдуев.

– Где тебя черти носят, – вскрикнул Балдуев, со злостью ударив кулаком по столу.

– Я тут это... – начал худощавый.

– Я, я, а это что? – дернул Балдуев висевшее на плече полотенце.

– Это полотенце – я в бане был.

– Почему мотор не работает? – снова закричал Балдуев.

– Да я тут проходил мимо, контакты электромотора были красные, плюнул на них, чтобы остудить, и мотор перегорел.

– Как это плюнул! Как это плюнул! – вскричал Балдуев и со всего размаху хлопнул портфелем по столу, вскочил и накинулся на худощавого.

Тот испуганно соскочил с невысокой сцены в зрительный зал и подбежал к маленькой старушке, сидящей в первом ряду.

– Баба, баба, что он дерется? – Старушка соскочила со своего места и преградила нападавшему путь с криком:

– Не трогай его, не бей. Люди, помогите разнять, – обратилась она в зал. Зал взорвался от хохота. Балдуев еще ожесточеннее кинулся на худощавого, огрел его несколько раз портфелем и с криком "я покажу тебе" плюнул!

Прячась за старушку, худощавый уволок ее на сцену. Сценка с участием старушки из зрительного зала получилась такой острой, что не переставал гомерически хохотать весь зал. Сценка прекратилась после того, как старушка, разнимавшая их, уже не могла от усталости стоять на ногах. Ее аккуратно усадили на свое место. Балдуев и худощавый, тяжело дыша, стаяли по разные стороны сцены, а зрители в зале – односельчане, старушки, еще долго хохотали, не в силах остановиться.

После этого со своими песнями выступил Имран

Усманов. Уже к полуночи люди нехотя расходились, весело обсуждая происшедшее.

Концерты были поставлены во всех населенных пунктах Ножай-Юртовского района. Перед концертом в Беное прошел дождь. Заправив "Запорожец", мы выехали в Беной. Дорога была трудная, и машина тяжело продвигалась вперед, из Энгеноя "Запорожец" поднялся на горку и уже подъезжая к Беною, началась сплошная грязь. Машина остановилась, не в силах двигаться. Уже начало темнеть. Показались фары машины, идущей навстречу. Мы обрадовались. Грузовая машина остановилась, из кабины вышел водитель примерно нашего возраста. Назвался Магомедом. Мы объяснили ему, кто мы и зачем едем в Беной. Магомед развернул свою машину, достал трос и взял на буксир наш "Запорожец". Из чувства вежливости мы попросили Магомеда не возвращаться, но он был непреклонен.

– В наших краях вы гости, и я не могу оставить вас на дороге.

При въезде в Беной дорога была лучше, и мы, поблагодарив Магомеда, отцепили свой "Запорожец". Магомед сказал, что ехал в Гудермес, где он живет и работает, в Гудермес поедет завтра, а сейчас поставит машину у родственников и придет на концерт. Я обещал ему, что не начну концерт, пока он не придет. Имран мощно толкнул "Запорожец", сел на переднее сиденье, отчего оно жалобно скрипнуло, и мы под одобрительные возгласы ожидающихся нас зрителей лихо подъехали к входной двери клуба.

Уже было начало концерта, зрители расселись по местам, а Магомеда не было. Мы не начинали концерт. В зале сперва тихо, потом громче захлопали, требуя начать концерт. Я вышел на сцену и сказал, что концерт не начнется до тех пор, пока не придет ваш односельчанин Ма-

гомед, который живет и работает в Гудермесе шофером. Кто-то из зала крикнул:

– Магомед вечером уехал в Гудермес.

Я объяснил, что он вернулся и притащил нас на буксире. Срочно отправили за Магомедом. Не прошло и получаса, как широко улыбаясь, Магомед вошел в зрительный зал. Концерт тут же начался, а Магомед словно царь сидел среди односельчан. Восхищению его перед односельчанами не было предела.

Концерт прошел под гром аплодисментов. Артистов разобрали в гости беноевцы. Я вместе с учившимися со мной в институте однокурсниками Лендом, председателем сельсовета и директором Стерчкенской школы Бувайсаром пошли в гости к Ленду. Утром у ворот Ленда стояла автомашина "Нива". Это был директор школы, который приехал за мной, чтобы отвезти меня в Беной.

По всей Чечне трудно встретить людей более гостеприимных, чем жители Беноя. Гастроли в Ножай-Юртовском районе надолго запомнились мне и моим товарищам.

г. Гудермес

ВМЕСТО КОММЕНТАРИЯ

5 марта 1953 года издох, по другому и не скажешь, инициатор выселения чеченского и ингушского народов, а также некоторых других народов Кавказа и Калмыкии, кровный враг этих народов, деспот и тиран всех народов России – Сталин. Сменивший его на посту первого секретаря ЦК КПСС после Маленкова и Булганина, мужественный человек Никита Сергеевич Хрущев на историческом XX съезде Компартии Советского Союза раскрыл культ личности и античеловеческие действия Сталина, а

также наркома Комитета безопасности СССР Берия, которого незамедлительно расстреляли вместе со своими подручными.

Административный режим в отношении спецпереселенцев, в том числе чеченцев и ингушей, смягчился. Указ в отношении спецпереселенцев за 1948 год, осуждающий за выезд с места поселения к 20 годам каторжных работ, отменен, выезд из Казахстана и Киргизии разрешен. Сняты со спецучета фронтовики, воевавшие в 1941-1945 годах. В Алма-Ате начали издавать газету на чеченском языке "Знамя труда", по радио ежедневно транслировалась передача и концерты на чеченском языке. Спецпереселенцы чеченцы и ингуши не пропускали ни одного слова популярного диктора чеченской передачи Хамидова Абдулы.

В 1955 году из Алма-Аты выехала чечено-ингушская делегация с просьбой восстановить Чечено-Ингушскую АССР в пределах прежних границ на Северном Кавказе. По личной инициативе я также выехал нелегально на Кавказ в город Гудермес. Возвращаясь в Казахстан, в городе Балхаш остановился у своего близкого друга Сванидзе Ивана Алексеевича, который был сыном брата первой жены Сталина.

И.А. Сванидзе был моим ровесником. Он был выслан на Балхаш после расстрела своего отца Алексея Семеновича Сванидзе, о котором упоминал в своем докладе Никита Сергеевич Хрущев на XX съезде ЦК КПСС. После реабилитации отца он был возвращен в Москву. С его помощью я составил письмо на имя Микояна А.И. В своем письме я просил советское правительство:

1. Восстановить ЧИАССР в прежних границах.
2. Привлечь к уголовной ответственности виновных в уничтожении памятников, стел на чеченских и ингушских

ких кладбищах. Двое суток я пытался попасть на прием к Микояну после подачи письма в экспедицию Верховного Совета СССР у Александрийских ворот Кремля. Неоднократно звонил я в секретариат Микояна, но мне отвечали, что Микояна нет в Москве. Позже я узнал из прессы, что он находится на Кубе. Телефон секретариата мне дал Сванидзе. На третий день некто Горчкова, испросив мое согласие, сказала мне по телефону, что вопрос об уничтожении памятников на чеченских и ингушских кладбищах направят на рассмотрение в Грозненский обком, а по вопросу о восстановлении ЧИАССР будет сообщено чечено-ингушскому народу. Поблагодарив Сванидзе за оказанную помощь, я выехал на Балхаш.

Первым, что мне бросилось в глаза после приезда на Балхаш, это обилие надписей на домах чеченцев и ингушей "Дом продается". Чеченцы и ингуши инстинктивно почувствовали свое скорое возвращение на Кавказ. 16 июля 1956 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о снятии со спецучета спецпереселенцев. Указ разрешал перемещение чеченцев и ингушей, а также других депортированных народов по территории СССР, но не разрешал переселение в места, откуда были высланы. Кроме того, запрещалось требовать компенсацию за оставленные во время переселения имущество и дома. В Балхашский горком партии были приглашены старики-авторитеты – чеченцы и ингуши. На это собрание был приглашен и я. Нам зачитали Указ от 16 июля 1956 года о снятии со спецучета и предложили всем присутствующим спецпереселенцам дать расписки в том, что они не будут претендовать на дома и имущество, оставленные во время выселения, а также на прежние места проживания. Мы категорически отказались давать такие расписки, хотя работники КГБ, присутствовавшие здесь, предпринимали

отчаянные усилия уговорить нас дать такие расписки.

Выйдя из горкома, мы увидели большую толпу собравшихся чеченцев и ингушей, ожидавших конца собрания, чтобы узнать причину нашего приглашения в горком. Надо отметить, что подобного раньше не случалось. Мы рассказали народу, для чего мы были вызваны и что отказались дать расписки в том, что отказываемся от возвращения на чечено-ингушские земли на постоянное жительство, а также о том, что никогда не потребуем компенсации за оставленное имущество в доме во время выселения. Нас поддержали. Ни один чеченец и ни один ингуш не сказал, что надо бы дать такие расписки.

С того дня среди чеченцев и ингушей, проживающих в Балхаше и Коунраде, началась интенсивная агитационно-разъяснительная деятельность по отказу давать такие расписки. Были изготовлены бланки расписок, с которыми работники МБД начали ходить по домам и квартирам спецпереселенцев, однако ни один спецпереселенец такую расписку не подписал.

Единство и дружба всех чеченцев и ингушей – испытанный механизм самосохранения народов и наций – на этот раз также выдержал свой экзамен.

Наконец, 9 января 1957 года, наступил долгожданный день. Вышел Указ о восстановлении Чечено-Ингушской АССР на своей исконной территории.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга борца	3
От автора	3
Война	3
Спецпереселенцы	38
"О варвары"	69
Соль чужбины	72
Мать	76
Хаммади	79
Корова моя, голова не моя	81
Индирби	85
Пису	89
Чайки	92
Таня	92
Смерть диктатора	95
Наказал	97
Корова и ведро	99
Заместитель председателя Чудаков	100
Пути геноцида	102
В ту далекую пору	104
Неблагонадежный	108
Одна судьба и два геноцида	113
Кунаки	117
Штучки	126
Нанап	128
В наших силах – многое	131
Гастроли	132
Вместо комментария	138

Габацу Локаев

Спецпереселенцы

(Третье дополненное издание)

Верстка – *Асет Бицаловой*

Подписано в печать 26.05.2006.

Формат 60x84 1/16

Бумага офсетная № 1 65 г/м²

Печать офсетная.

Заказ № 0695. Тираж 5000 экз.

Печ. лист. 9,0

ГУП «ИПК «Грозненский рабочий»
г. Грозный, ул. Интернациональная, 12/35